

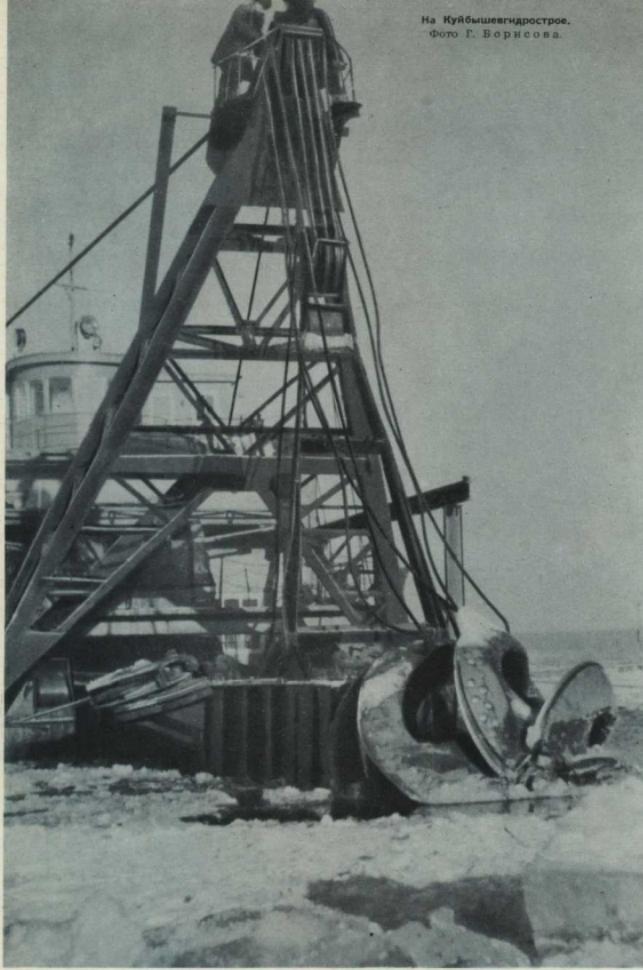
СМЕНА

6

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Владимир АЛАТЫРЦЕВ

Строительство Мингечавурской ГЭС.
Фото В. Шевцова.

На стройки новой пятилетки
Народ поднялся трудовой.
Идут геологи в разведки —
За нефтью, углем и рудой.

На Волге
Всей страны посланцы,
Героям мирного труда,
Возводят здания гидростанций,
Плотины ставят, города.

И экскаваторщики бывалые,
Посевам влагу дать спеша,
В сухой степи прорыли каналы
Стальными зубьями ковша.

К полям пшеницы пробежала
Вода из Дона и Днепра...
Но для страны сегодня мало
Того, что сделано вчера.

По зову Партии,
По зову
Родного Сталина
Идет
День ото дня к высотам новым
Наш геройский народ.

С живым, настойчивым дерзаньем,
В работе напрягая мысли,
К успехам новых,
К новым знаньям
И ты, товарищ мой, стремись!

Тахна-Таш. Экскаваторы в забое.
Фото О. Кузьмина.

ФОТО А. УСТИНОВА.

Лучший верхолаз-комсомолец строительства высоковольтной линии электропередачи Куйбышев — Москва Владимир Ладов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 6. 1953 год.

Год
издания
30-й

ПАРТИЯ ВЕДЕТ!

Мужество, сплочённость, единство — эти замечательные качества, воспитанные в нашем народе товарищем Сталиным, с новой силой проявились в скорбные мартовские дни.

Когда семья советских людей понесла великую утрату, когда не стало нашего любимого вождя товарища Сталина, взоры миллионов людей обратились к партии, к сталинскому Центральному Комитету. Мы нашли в себе новые силы, думая о Коммунистической партии.

Вера народа в партию беспредельна, как беспримечательна вера в разум, в счастье, в жизнь. Народ проник верой в партию потому, что год за годом он обжигался в мудрости и правильности её политики.

Эта политика прошла большую школу испытаний. Она проявила себя в яростных боях гражданской войны, в суровой борьбе с разрушителями, в неизданной по размаху работе по всплощению в жизни сталинских пятилеток. Политика Коммунистической партии привела советский народ к всемирно-историческим победам, о которых заговорило всё человечество.

Партия, выпестованная Ленинским, превратилась в Отечественную страну отсталую и находящую в страну богатую, могучую, передовую. Когда потом гитлеровских орд, оснащенных техникой всей Европы, ринулись на нашу страну, советский народ, наши Вооружённые Силы, руководимые великим Сталиным, не только остановили врага, но и отбросили его назад; в самом логове фашизма вдребезги разбили художественную машину гитлеризма.

Под испытаным руководством партии Ленина—Сталина советский народ поднял страну из неслыханных разрушений, причинённых войной, и решительно двинулась вперёд к великой цели — коммунизму.

Советский народ, проникнутый пурпуром величия дела и свершения Их, и всё это благодаря правильной политике Коммунистической партии, благодаря мудрому руководству товарища Сталина! В том, что невиданного расцвета достигла наша Родина, в том, что счастливее, богаче, культурнее стала жизнь советских людей, в том, что изо всех уголков мира к нашей стране, как ростки к солнцу, тянутся мысли миллионов угнетённых и обездоленных, в том, что исполнены растут силы мира и демократии, видят советский народ правильность политики партии.

Политика партии Ленина — Сталина воплощена в бесчисленных реальных делах и явлениях, окружающих советского человека. Результаты усилий партии и народа мы видим в гигантах советской индустрии, в домах, мартенках, автомобильных конвейерах, в беффрежных просторах морей, созданных руками человека, в умных машинах, облегчающих труд рабочих, в кристально чётких громадах высотных зданий, в просторных залах библиотек и институтов...

Всех этих успехов мы достигли потому, что шли по пути, указанному Ленинским, под водительством Сталина. Сталин открыл перед нами новые горизонты, он поднял нас на такую высоту, с которой нам стали видны сияющие вершины коммунизма.

К этим вершинам ведут нас ныне Коммунистическая партия, Советское правительство, возглавляемые верными учениками и соратниками товарища Сталина.

До глубины сердец советских людей дошёл пламенный призыв партии и правительства, выраженный в выступлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова. С полным единодушем

советский народ встретил законы и постановления, принятые четвёртой сессией Верховного Совета СССР. Работа сессии Верховного Совета вновь раз наглядно продемонстрировала стальное единство и нерушимую сплочённость всех народов нашей страны вокруг родной Коммунистической партии и Советского правительства.

Уход из жизни великого Сталина возложил на советских людей обязанность множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед страной, постоянно увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунизма, укрепления могущества и обороноспособности нашей прекрасной Родины.

Каждый советский человек, на каком бы участке он ни трудился, полон стремления достичь и превзойти эту священную обязанность. С всех концов нашей Советской страны люди шлют письма Центральному Комитету Коммунистической партии Советского правительства, заявляя о своей твёрдой решимости отдать все свои силы, все свои способности делу коммунистического строительства. Об этом говорят машиностроители Ленинграда и шахтёры Сургана, стальщики Урала и рабочие Каспийя, нефтяники Ухты и хлопкообрабочие Туркмении, метростроевцы Москвы и полеводы Орловщины.

Рабочие, колхозники, учёные, коллекторы цехов и предприятий пересматривают на себе обязательства, борются за досрочное выполнение заданий пятой сталинской пятилетки. Днепростроевцы поклялись выполнить данное товарищу Сталину обещание — на год раньше завершить огни Наховской ГЭС. Завттра «Чёрной горы» из Прокопьевска обещают вывести страну к 1 мая 10 тысяч тонн сёрпленового угля. Текстильщики Купалинского комбината обязались досрочно выполнить пятилетку и дать на 20 миллионов рублей дополнительной продукции из сэкономленного сырья.

Заседание Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года. На синем — за столом прославленные стальевары Семён Якименко, Степан Мартынов и Алексей Небылицын. Первоначально они обещали превысить прошлогодний выпуск стали на 15 тысяч тонн. Теперь стальевары решили дать стали на 25 тысяч тонн больше, чем в прошлом году. И слово держат!

Успехи нашего строительства решают люди, в совершенствовании овладевшие техникой. Недавно молодой машинист угольного комбайна «Донбасс» Пётр Жаболенко вместе со своей бригадой обогнал достести производительность комбайна до 11 тысяч тонн угля в месяц. Это в два раза превышает установленную производительность на комбайне этого типа для шахт Московского угольного бассейна. Но Пётр Жаболенко и его товарищи, прекрасно изучившие возможности машины, делом доказали, что такие выработки можно достичь.

Боевая советская молодёжь, взращённая, воспитанная и руководимая партией — Ленина — Сталина, активно участвует в выполнении великих планов подчёркнуто революционных.

Молодой членец стахановской эпохи — это пытливый, настойчивый строитель коммунизма, беззаветно преданный беспримерному делу Ленина — Сталина. Родина дала ему все возможности для того, чтобы он вырос знающим, культурным, образованным членом общества. Ему созданы все условия для учебы, совершенствования, развития своих способностей. Люди старшего поколения передают ему свои знания, навыки мастерства.

На материенную заботу Родины молодёжь отвечает: самоутверженной работой во имя коммунизма. Миллионы юношей и девушек, носящих гордое и почётное звание комсомольцев, отдают свою силы и способности строительству коммунизма. Имена комсомольцев, отли-

Председатель (слева направо): заместитель Председателя Совета Национальностей В. Т. Дацис, М. Б. Энгельман, Т. М. Матвеевский, М. Т. Якубов, Председатель Совета Национальностей Ж. Шалхметов, Председатель Совета Союза М. А. Яснов, заместитель Председателя Совета Союза Т. М. Зубова, А. И. Кирченко, А. Н. Низов, А. Ю. Сечинус. В ложах — товарищи Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Караганов, А. И. Минин, М. З. Сабуров, М. Г. Переуход и другие. На трибуне — Председатель Совета Министров СССР товарищ Г. М. Маленков.

Чившихся в боях и труде, бережно хранят в своей памяти советский народ! В последние годы стали прославленными новаторами Николай Чижиков, Юрий Диков, Антонина Жандарова, Ольга Агафонова, Нина Юшина, Анастасия Малотина, Владлен Мячев, Юрий Пронин, Василий Елисеев, Борис Коваленко и другие. Сотни и тысячи молодых инженоровдвигают вперёд социалистическое производство, вносят смелые технические предложения, повышают производительность труда!

Инициатива, задор, энергия молодых строителей коммунизма, беспредельны. По плану на посадку деревьев лесной полосы Сталинград — Камышин было отведено пятнадцать лет. Шефство над полосой взяли комсомольцы. И вот прошло только три с половиной года, а полоса уже создана. Скоро настанет лето, и зашумят зелёный листвой молодые дубки и клёны, выращенные заботливыми и умелыми руками комсомольцев.

Вождь, учитель и друг советского народа товарищ Сталин указал творцам новой жизни ясный путь вперёд. Товарищ Сталин образно сравнил марксистское движение с движением, которым должно руководствоваться — революционное движение. Классическая работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — тот комплекс, который поможет строителям коммунизма прийти к цели своего коротких и верных путей.

Многонациональн советский народ с твёрдой верой в свою наименчарпаемые силы уверенно идёт по пути, указанному беспримерным Сталином. По этому пути ведёт его испытанная в боях, непобедимая Коммунистическая партия. И какие бы препятствия ни встретились впереди, ничто не может остановить победоносное движение советского народа к коммунизму!

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

[Из романа Михаила Бубенкова «Белая берёза»]

Второе наступление немецко-фашистских войск, начатое 16 ноября с целью окружения и взятия Москвы, было уже остановлено на всех участках шестисоткилометрового Западного фронта.

И на этом фронте Гитлер рухнул...

Совершавшая ударную группировку гитлеровцев с большим трудом в последнее для них время захватила Рогачёв, Калинин, Солнечногорск и прорвалась танковыми частями к Яхроме.

Южная ударная группировка гитлеровцев, не сумев взять Тулу, обобщасла с востока, захватила Стalinогорск и Белев, стремясь выйти к Оке, но была остановлена в семи километрах южнее Кашира.

Центральная вспомогательная группировка гитлеровцев, после долгого топтания на месте, форсирована в нескольких местах реку Нару, но здесь же была опрокинута нашими войсками.

Окружение и взятие Москвы состоялось.

За время наступления, втянувшего в бой советские и боевые фронтовые войска, понесли тяжёлые потери. Сотни сожжённых и разбитых танков, орудий и машин черпали на подмосковных полях. Более пятисот тысяч гитлеровцев легли здесь костьми... На многих участках фронта гитлеровцы уже переходили к обороне. Ставка Гитлера перестала давать хвастливые сводки о наступлении под Москвой. Она жаловалась на морозы и снегопады. Она уверила, что русская зима не позволяет вести большие наступательные операции.

Но дело, конечно, было не в русской зиме...

Войска Западного фронта, несмотря на двойное и тройное численное превосходство противника, проявили невиданную стойкость, сказочное упорство в обороне советской столицы. Они мужественно отбивали каждую пядь родной земли. Они храбро боролись с бесконечными атаками. Всё Подмосковье они превратили в огромное кладбище для гитлеровских войск и их техники. Теперь войска Западного фронта, окрепнув и закальяв в жестоких боях, своими наличными силами повсюду, особенно на флангах, наносили противнику ощущительные контрудары.

Но Гитлер даже и не подозревал, что ещё однажды в ближайшее время его войска подождёт в Москве.

Стараясь окружить Москву, немецко-фашистские ударные группировки выдвигались довольно далеко вперёд по сравнению с остальной линией фронта и, уверенные в том, что силы Красной Армии на исходе, что она не имеет никаких стратегических резервов, плохо прикрыли свои фланги и подставили их под удара наших войск.

Начиная с 20 ноября, то есть на четвёртый день немецкого наступления, и до конца и при godt Ставки на глубоком тылу на Подмосковном фронте стали прибывать наши свежие резервы. Переброска их произоходила со всеми предосторожностями. Тёмными ночами бесконечные эшелоны с пехотой, танками, артиллерией останавливались и выгружались на глахих станциях восточного Москвы. Отсюда резервы скрыто, ночами, передвигались в назначенные места. Пока войска Западного фронта бесстрашно отставали ближние подступы к Москве, на фланге северной группировки противника, в районе Дмитрова и Загорска, и на фланге южной группировки, в районе Кашира и южнее Рязани, сосредоточились три свежие армии советских войск, оснащённые первоклассной боевой техникой, которую дали наш геройский тыл для разгрома врага. Свежие войска были для нас золотые струны. Как ни грозил иногда складываться обстановка на блокированном подступах к Москве, как ни тяжело было ей доблестным защитникам, то Ставки бояр эти резервы, не вводя их в бой,

Близился час расплаты с врагом.

В эти дни Ставки много думал о предстоящем контраударе наших войск. Это хорошо подготовленное и организованное контра-

ступление, по мысли Сталина, должно было явиться очень своеобразным видом наступления, в результате которого нашим войскам предстояло не только разгромить войска под Москвой, но и нанести сокрушительные удары на севере и юге. Особенностью наименее плавного контраударства, таким образом, могло стать рецидив военным событиям первого года Великой Отечественной войны. В битве под Москвой Советская Армия должна была поднять знамя нашей победы, чтобы пронести его затем к Яхроме...

Думая о контраударе, зорко выжидая момент для его начала, Ставка в эти дни лично знакомился с боевой обстановкой на разных участках Подмосковного фронта. Сейчас Ставку особенно хотелось быть как можно ближе к Десятидневной Армии.

...В большом селе на Болотнямском шоссе, по пути на передний край нашей обороны, Ставлины видели над входом в каменное здание небольшой белый флаг с ярко-красной крестом на центре. Это был полевой армейский госпиталь. Ставка неожиданно приказал остановить машину. Через несколько минут он уже был в палате, где находились раненые в по-следних боях.

Их было четверо. Все они лежали на одинаковых белых больничных койках, поставленных в один ряд, с промежутками для прохода, из головными к глухой стени. На противоположной стени было два окна выходящих на юг, — не поднимая головы с подушек, раненые видели, как низко над домами по другую сторону шоссе проходило красноголовое солнце.

Внезапное появление в палате Верховного Главнокомандующего оправдывало сопровождение генералов, начальника госпитала и дежурного врача, несказанно взволновало раненых. Все они, кроме одного, были ранеными в результате атаки, — это первые одевались безотчетно, подчиняясь мысли встать, встретить Ставлина по-военному, но только они из них, с забинтованной под рукоятью грудью и щечей, с трудом сидел на кровати. Остальные трое лежали раз почувствуя свою беспредельность. Теперь это особо было тяжко огорчить их. Они умели безмолвно сносить любые физические боли, но не могли скрыть ту душевную боль, которую испытывали сейчас, когда не хватало им сидеть. Ставлин сидел один вдвоих с мучительным стоном, другого скрупульно пошевелил головой на подушке, третий от горькой досады стиснув зубы...

Ставлины заметили, что раненые вздохнули.

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте! — сказал он поэтому несколько необычным тоном, — поднимайтесь! — крикнул от дальней кровати, на которой спал раненый с удачным и счастливым выражением на морде скучающим лицом. Но у меня к вам, товарищи, одна большая просьба: вы должны лежать спокойно... — сказал он после того, как раненые ответили на его приветствие. — Да, да, вам надо лежать. А мы можем и должны постыгнуть перед вами...

В быстрых серых глазах раненого, который сидел на кровати, мелькнуло выражение растерянности.

— Разрешите мне, товарищ Ставлины, посидеть... — сказал он, хватавшись худыми пальцами за края кровати. — Честное слово, надеюсь лежать. Кажется, уже четвёртый день...

— Хорошо, сидите, — согласился Ставлины. — У вас и вижу, недавно подстриженка головы. Вы кому?

— Так точно! Гвардии лейтенант...

— Фамилия?

— Муршаков.

Ставлины взглянул на дежурного врача, и тот торопливо доложил, что у Муршакова несколько осколочных ранений в мягкие ткани; два осколка позавчера извлечены, а четыре оставлены

до следующей операции.

— Ну и пусть торчат! — внезапно оживаясь, сказал на это Муршаков, и Ставка сразу понял, что перед ним несущийся и, вероятно, в обычном жизнелобом молодой человек. Крепко, но только и всего! Тогда меня разве только брошенной?

— Вы давно на фронте, товарищ Муршаков? — С первого для вины, товарищ Ставлины! — Впервые выбыли из строя?

— Так точно!

— Скажите, товарищ Муршаков, — заговорил Ставлины, берясь рукой за спину кровати, — какой период войны был для вас наиболее трудный?

— Первый месяц, товарищ Ставлины!

— Понятно. А теперь как?

— Воевать, конечно, и теперь не легко, я скажу это откровенно. У немцев все ещё большое преимущество в технике. Да и тяжело, что немцы так близко от Москвы. И если же воевать, теперь гораздо легче, чем даже месец назад...

— А почему же легче? — спросил Ставлины.

— Во-первых, товарищ Ставлины, мы теперь, не те... — ответил Муршаков. — Повидали на вине этих самых фашистов лицо в лицо, на фактах узнали, кто они такие, и хорошо, очень хорошо поняли, что грозят нашей стране... И все злы эти стали, беспощадными в бою. От этого и сил вроде прибыло. И все поняли, что действительно, как вы сказали, не стращен чёрт, как его малютка... Теперь все у нас знают, что разговоры о неподобности немецкой армии — глупая сказка, одна болтовня. Бегают теперь немцы от нас, да как ешё бегают! Вот от этого и легче стало...

— А во-вторых? — спросил Ставлины.

— Во-вторых, товарищ Ставлины, мы теперь, не те... — продолжил Муршаков. — Короче говоря, поняли, что разбрасывать опасное дело. Мне приходилось, товарищ Ставлины, разговаривать с пленными. Еще месяц назад они верили, что скроются возле Москвы, а теперь они уже не думают о ней.

— Даже и не думают?

— Так точно!

Слушая Муршакова, Ставлины несколько раз поглядывал на остальных раненых, словно стараясь понять, как они относятся к рассуждениям лейтенанта.

— Да вот они могут подтвердить это... — сказал Муршаков, поверочившись к дверям палаты. — Правильно я говорю, ребята?

На койке краем лежал очень бледный раненый с ампутированной правой рукой. Он взирал на Ставлинова, когда к нему подошёл Ставлины, но даже в этом состоянии покоя, добром лице не выступил ни единой крохотинки. Только под охлоком, на груди, развалялся подряпину теплера единственная в её рука.

Он подтвердил таким голосом:

— Это верно, здорово слегда плем...

На следующей койке неподвижно лежал раненый с забинтованной головой... — открытыми оставались только упрямый рот, задирристо вздернутый нос и большие, тёмные, синеватые глаза. Он давно ждал, когда подойдёт к его койке Ставлины, и даже весь взмолел от нетерпения и ожидания счастливой минуты.

Волнился, он тоже подтвердил:

— Хрипят немцы, его только бить сейчас...

Лёгким жестом правой руки Ставлины остановил дежурного врача, который собиралсяложить о состоянии этих двух раненых, — и без доклада было ясно, что положение их тяжёлое. Ставлины знал, если бы наяву, вышел из строя... И Ставлины вздохнул укладкой. Чуть осторожно, чтобы не забинтованные большие, душевые раны не засохли, то есть не засохли, откуда они родом, где и что делали до войны, как живут их семьи, есть ли дети, получают ли от родных письма, представляемы или нет к наградам...

...На четвёртой койке, у стены, лежал Матвеев

Юргин. Он лежал в высоке, на нескольких подушках, закрившись по грудь одеялом, и взглянула на подошедшего к нему Сталина с тем необычайным, неожиданным выражением изумления, когда почти невозможно сдержать крик... Он точно впервые увидел Стalinа в палате. И Стalin понял, что это несколько минут, пока он разговаривал с ранеными. Юргин находился в забытии и к нему только что вернулось сознание.

— Это... вы? — спросил Юргин, горячо и свистящие дыша. — Это... правда?

— Да, это я, — ответил Стalin.

Взглядевшийся в землистое жёлтое лицо Юргина с выступающими на щеках складками «бабочки» и покрасневшими от изнеможения глазами, Стalin понял, что состояние раненого опасно для жизни. У Сталина мгновенно потемел взгляд, он устало опустился на табурет к кровати, осторожно поправил подушку под головой Юргина и спросил:

— Тяжело?

Юргин ответил Стalinу только взглядом: да, он не может лгать, ему очень тяжело бороться со смертью, и он даже не знает ещё, кто выйдет победителем из этой борьбы...

— Крепитесь, — сказал Стalin.

Принимая совет, Юргин легонько опустился на ресницы, но тут же взглядел попросил Стalinу наклониться к нему и, когда Стalin выполнил его просьбу, шепотом спросил:

Спасибо.

Поняв вопрос, Стalin наклонился к Юргину ещё ниже и ответил тоже шепотом:

Очень скоро.

Пожелав всем раненым выздоровления, Стalin вышел из палаты, прошёл в кабинет дежурного врача и, встав у окна, с минуту молча смотрел на серебристо сверкающий под солнцем зимний лес... Потом, не оборачиваясь, он негромко спросил стоявшего позади дежурного врача:

— Он выживет?

Врач ответил виноватым тоном:

— У нас нет никаких надежд...

Стalin покрутил головой и сказал:

— У вас должны быть надежды!

Затем он тихо, взываясь проговорил:

— Бессмертный народ!

Перед вечером Стalin был на переднем крае нашей обороны — в самом лесистом витязи на Волоколамском просёлке.

Третий день — здесь стояла тишина. Над землей кружились очень лёгкие, как семена одуванчика, снежинки; хотя и было очень тихо, они кружились без конца, долго не находя себе места.

Стalin и сопровождавшие его генералы небольшой группой вышли к западной опушке леса, откуда, в просветы между заснеженными кустами одуванчика, простым глазом можно было смотреть большое пространство.

— Итак, это деревня Ленино? — спросил Стalin и, протянув руку в ширстяную варежку вперёд, случайно задел щеку ольхи и отряхнул с неё сухой снег... — Ленино? — — повторил он и задумчиво, с удивительной отвагой повернулся к генералам. — Кстати, как эта деревня называлась раньше?

Две стоявших рядом генералы одновременно и совершили безотёсно взглянули на свои карты, но деревня, перед которой они стояли сейчас, естественно, имела на них только одно название, присвоенное ей много лет назад. На лицах генералов, хотя они и были совсем несхожими, появился совершенно одинаковое отчтливое выражение: досады за свою неспособность. Тоже одновременно генералы взглянули на Бородина, надеясь, что он выразит своё мнение о том, что же им делать. Бородин, несмотря на комендантские чины, уже подготовленный к встрече их вопросительных взглядов, лишь подёржал легонько уши и взглянул, в свою очередь, на Озерова... Но и Озеров не знал старого названия деревни. Считая это пристойством для всех, но совершенно непростительным для себя, особенно, конечно, потому что стоит с полком перед Ленино уже несколько дней, гвардии майор Озеров мгновенно поборговал и в поисках помощи стал оглядываться на стоявших рядом солдат...

— Кажется, никто не знает? — спросил Стalin.

И. В. Стalin, К. Е. Ворошилов и К. К. Рокоссовский на оборонительных рубежах под Москвой (1941 год).

Рисунок К. Финогенова.

В этот момент гвардии сержант Андрей Лопухов, стоявший в группе солдат, точно от внутреннего толчка вытянулся на месте, ешё быстрее, чем на молнии.

Стalin моментально заметил это движение Андрея и задоржал за нём спокойный, изучающий взгляд. В тёмных, сияющих глазах высокого молодого человека в маскараде, с обветренным, но красивым, русским, очень счастливым лицом он увидел смелую готовность что-то сказать.

— Вы знаете, да? — спросил Стalin. — Лопухова.

Андрей выступил на шаг вперёд.

— Так точно, товарищ Верховный Главнокомандующий...

Как же называлась эта деревня раньше?

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, эта деревня раньше называлась Луликой... — отчтливо, раздельно ответил Андрей, радуясь в эту минуту лишь тому, что отвечает за пинки.

Сталин тоже сделал шаг к Андрею.

— Вы из Ленино, товарищ Лопухов?

— Никак нет, товарищ Стalin!

— Откуда же вы знаете старое название?

— Встречал одного бойца из здешних мест, товарища Степана Разговорова, и понятно, что эта деревня называлась раньше...

— А как же вы это знаете?

— На всякий случай, товарищ Стalin!

Сталин едва притяжно усмехнулся.

— Выходит, не зря так поступили, — сказал он медленно и задумчиво. — Да, наши воины должны всегда и всё знать. Но всякий случай. Значит, бывшая Лутика? — продолжал он, обращаясь уже ко всем... — Тоже подходитнее название... — Кинув на запад, он слегка возвысил голос. — Вот тут и надо лупить немецких захватчиков, беспощадно лупить за то, что они осмелились поднять свои грязные руки на страну Ленина!

Сталин взялся было за бинокль,висевший у него на груди, но тут же вновь обернулся к солдатам.

Но слов, им уже здорово досталось здесь, — сказал он, смотря на Андрея, который очень понравился им и своей молодостью и хорошей воинской выправкой. — Но мне думается, что им надо быть еще крепче, еще беспощаднее. Интересно знать, какие ображения на этот счёт у вас, товарищи гвардейцы?

Андрей стоял в положении «смирно».

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, — произнёс он чётко и смело, — все гвардейцы ображают так, что пора дать этому зверю отпор воротнуться! Мы ждём только приказа!

Правильно ображаете, товарищи гвардейцы, очень правильно! — сказал Стalin серьезно. — Да, нара гнат этих зверей захватчиков долой с нашей земли! Второе наступление немецко-фашистских войск на Москву, как и первое, уже прошлося. План окружения и взятия Москвы лопнул, как мыльный пузырь. Это ясно и нам и немецким захватчикам... Именно поэтому Гитлер и уехал с Восточного фронта. Решал для своих прогулок, куда дальше выбрать закупок. Сбежал. Струсила. Но ему не уйти от ответа. Он за всё ответит!

Вновь берясь за бинокль, Сталин вдруг сказал:

— Вьюга будет.

Все быстро осмотрелись и немало удивились тому, что произошло в природе за последние минуты: пока они слушали Стalinя. Небо побело, леса подёрнулись дымкой, снежники закрутились особенно быстро и тревожно, с полей потянуло стужей. И все с невольной дрожью опустили на Стalinя взгляды. И немного, и над всей подмосковной землёй одним разом встанет до неба и зашумят, засвистят на весь свет неудержимая, могучая русская вьюга...

Встреча в Чанчуне

Быль

Армения далёко от Пекина,
До Чихантикова¹ труден путь большой.
Народы были — по молве старинной —
Разделены китайской стеной.

Чанчунь. Сегодня на трибуне зала
Советский выступает делегат.
Он говорит о дружбе, что связала
За мир и правду бьющихся солдат.
Октябрь Советов и Октябрь Китая
Закгут над всей вселенной солнце мая.

Ликует зал, шумит, как ливень майский.
Слова восторга, звонковые вздохи...
Ведь есть слова, что их и по-китайски
Пронзнес — любой из нас поймёт!
В глазах миндалевидных армянина,
В глазах китайских узких свет единий.

¹ Чихантиков — армянское горное село, где
живёт Герой Социалистического труда Маринам
Мартirosyan. (Прим. изред.)

Поговорив с подругами своими,
К посланцу китайца подошла,
На свой манер китайский гость имя
Раздельно — Мир-те-лан — произнесла,
И дружеско средь радостного гула
Ему платок расшитый протянула,

И объяснила, что платочек этот
Китайским работникам дан,
Чтоб гость отъезжего в Страну Советов
В подарок Маринам Мартirosyan —
Полей колхозных юной горени,
Что стала им родной сестрою ныне.

Далёко от Пекина приоткрылся
В горах армянских Чихантиков — село.
Стены китайская как будто рассступились,
И до глубин страны теперь дошло
Простое имя девушки-армянки,
Его в Чанчуне знают китайцы.

Переведа с армянского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

РЫТХЭУ

ТРУБКА МИРА

Рассказ

В небе мерцает небесный, желтовато-зелёный свет полярного сияния. То жёлтого больше, то зелёного. То вдруг засвятятся, задрожав красноватые ауры.

Снег ровным слоем покрывает аэродром, островерхие шапка-мины и жёлтые бочечки с горючим, на крыших нескольких бронированных домиков. Снег тоже кажется то жёлтым, то зелёным, то красноватым.

Дальше, за полем аэродрома, темнеет небольшое озеро, ещё дальше виднеются пологие холмы. Недалёк две назад совсем уже было вошла в свои права весна: с холмов потекли ручьи, снег стая, озеро очистилось ото льда. Потом опять немного похолодало, трое суток не прекращалася снегопад, — зима как будто решила ещё не сдаваться. Но снега больше не замерзали.

В бренчатах домиках спят, только в одном из них, громко именуемом «аворозаколом», горит свет. На крылечке стоит двое лётчиков. Савин и Этувиг — один из пассажиров, уже несколько дней дожидающийся здесь лёгкой погоды. Это худощавый чукча в одежде оленевода. Он говорит, что

скоро опять снег пойдёт.

— Не должно быть, — отзыается Савин. — По складу ничего такого не предвидится. Сегодня обязательно вылетим.

— Скоро пойдёт! — повторяет Этувиг.

— Большой? — встревоженно спрашивает Савин.

Он недавно работает на этой трассе, но знает уже, что опытные оленеводы редко ошибаются в таких вопросах.

Этувиг едва внимательно всматривается в облака, висящие над даёдкими холмами, и отвечает:

— Нет, большого, наверно, не будет.

— Ну, а маленький нам не помеха. Это что-нибудь местное. Как говорится, незначительные осадки местного характера. Ничего, сегодня пойдёт!

Несколько минут они стоят молча, любуясь удивительной игрой полярного сияния. Кажется, будто разноцветные флаги развеваются в небе и будто едва различимый шелест этих све-

тиящихся, поминутно меняющих свой цвет флагов долетает до земли...

— Шелестит, — говорит Этувиг.

Это ветер. Снежную пыль по насты гонит.

— Наверно, ветер согнался Этувига, и неожиданно рассмешился, говорит. У него считалось — это когда я ёщё мальчишкой был, — у нас считалось так, если сникнуть погромче — в два пальца, знаешь? — тогда синние сильней заколышются, ярче засвятятся, быстрей меняться станет. Да, нам так казалось.

— А если сейчас?

Савин с озорной улыбкой подносит ко рту два пальца.

— Нет, — говорит Этувиг, — сейчас не подействует. Для этого надо мальчишкой быть, надо в склизки верить.

— Когда такая тишина, — продолжает разговор Савин, — странное чувство иногда появляется: будто во всём мире сейчас спит, будто во всём мире кроме этого нет, кроме этих вот нескользких домиков, да снегов бесконечных, да полярного сияния...

Но Савин не успевает окончить фразу, как откуда-то издалека слышится звук. А вслед за тем в синеве неба появляется собачий упрямчик. Несколько раз она несётся взад-вперёд, трябится, потом винз, по пологому склону холма. Она отбегает от снега, напрямик пересекает снежное поле аэродрома и резко останавливается неподалёку от домика, в котором горит свет. Оттуда, услыхав залихватский лай собачьей упрямчи, люди уже бежут наавстречу позднему гостю. Они окружают нарут.

С нарты встает нервоского роста старик. Видно, что он проделал немалый путь. Усы его, брови и ресницы покрыты икрем. Он откладывает назад малахит, и его седую, словно тоже покрытую икрем, голову освещает холодный, зеленоватый свет полярного сияния. Старик одет по-праздничному. На нём широкий бахрома из ольевь замши; на спине болтается белая шкурка горностая; штаны, сшитые из светлых камусов — узких полосок шкуры с оленьими ногами, — аккуратно заправлены в низкие торбазы: подошвы торбазов подшиты мехом белого медведя.

ТИХО СЕМУШИН

Такую одежду без особой причины не наденешь. Значит, есть у старика какая-то особая причина.

Не поздоровались, он торопливо спрашивает:

— Могу я узнать: не улетел ли ещё товарищ Этвуги?

— Нет, еще не улетел, — отвечает сам Этвуги.

Это очень хорошо, — говорит старик, облегченно вздыхает и широко улыбается, начиняет по очереди пожимать руки всем обступившим наряду.

Это очень хорошо, — повторяет он, — а то я уже боялся, что опоздаю. Меня зовут Гэммауге. Мне надо видеть товарища Этвуги и надо говорить с ним. Скажите ему, что с ним хочет поговорить старый Гэммауге из колхоза «Утро».

— Будем знакомы, товарищ Гэммауге. Я и есть Этвуги.

Старый, прославленный косторез Гэммауге давно дружит с охотником Мэммалем. Трудно найти друзей, которые так подходили бы друг к другу, как они. Они соседи. Во-первых, оба очень любят охотиться, оба любят резьбу по кости. Во-вторых, оба давно уже одессены Гэммауге самолично. И Мэммаль — мрачная дочь. В-третьих... Но тут начинаются уже не склонности, а различия. Гэммауге целиком просиживает над своей работой, неделиами не видно его в пособаке, а за пределы посёлка он иногда

Бог, собственно, мы и подошли к тому, что заставило старого костореза много времени спустя притягивать тихой полярной ночью на аэродром в поисках Этвуги. Не случайно упомяну я о Гайвата, хотя Мэммаль рассказывала своему другу и о многих других книгах, не менее интересных.

В тот вечер, вырезав ветвистый оленевый рог, Гэммауге впервые услышал о старом обычье, существовавшем когда-то у американских индейцев: если люди разных племён сходились и выкуривали вместе трубку Мира, предметы эти не должны были воевать друг с другом, должны были жить в согласии.

Хороший обычай! — сказал Гэммауге. — Хороший, только жаль, что в Америке забыли его...

Что обычай, о котором рассказывала Мэммаль, принадлежал только индейцам, а не всему населению Америки, — это обстоятельство ускользнуло от внимания Гэммауге. Может быть, виноват в этом был Мэммаль или даже Тэргрина, не очень точно излагавшая отцу содержание поэмы. Когда какая-нибудь история передавалась из уста в уста, трудно рассчитывать, что она дойдет до последнего в том же виде, в каком пошла от первого.

Мэммаль рассказала своему другу об этом обычье уже довольно давно — еще до того, как Тэргрина привезли в колхоз «Утро» и утешала учиться в Хаббардовке. И Гэммауге совсем казалось, забыл об этом — мало ли о чём рассказывала ему старый охотник, у которого

Рисунок В. Константинова.

и годами не выезжает. Что же касается Мэммаль, то без него, кажется, не обходится ни один интересный вечер в клубе, ни одно собрание, ни одно семейное торжество: всюду его приглашают, и везде он успевает побывать — и у соседей, и на полярной станции, и даже у дальних родственников, живущих в других поселениях на тысячу километров от колхоза «Утро». Кроме того косторез Гэммауге настолько же моаланы, насколько разговорчив охотник Мэммаль.

Издать, что эти различия скрывают их дружбу не меньше, чем общие черты. Резьба по кости — работа трудная, медленная. Хорошо, когда рядом сидят приятель, умеющий рассказывать обо всём на свете. Гэммауге любит работать, слушать, а Мэммаль любит рассказывать. Он сообщает и о том, что сам повидал, и о том, что слышал от других, и о том, что написано в книгах. Гэммауге, в грамоте никогда он не был силен, но его dochь Тэргрина пересказывала ему содержание каждой прочитанной книги.

На твёрдой кости моржового кальяна Гэммауге вырезал ветви, прижатые к спине рога склаущего по тундре оленя. И пока что успел вырезать один полнорог, Мэммаль, следя за его руками, удивленно спросила: «А что это вы делаете? Вы же не собираетесь на охоту, и о замечательных подвигах Гайвата, и о том, что механик с соседнего маяка собирается жениться на учителянне Нине Ивановне. Старому Гэммауге всё это было интересно, хотя о механике и о Нине Ивановне, как и о героях «Песни о Гайвате» Лонгфелло, он слышал впервые в жизни.

столько всяких историй в запасе, сколько шерстинок на густошерстной нерпке!

Как-то Мэммаль упомянула о том, что в Москве должна собраться конференция сторонников мира и делегатов от Чукотки поедет на эту конференцию колхозник из соседнего посёлка, знатный оленевод Этвуги. Поздно вечером, уже после ухода Мэммаль, у Гэммауге зародилась мысль, которая не дала ему заснуть до самого утра: «Я покажу Этвуги трубку Мира», — решил старый косторез. И потому так и прозвали Гэммауге: «Кто никогда не видывал, такую, которую будешь держать своего презира не назовешь. Я вырезу её на ней!». И он стала мечтать. Как великий истинный художник, Гэммауге уже видел в ту ночь всё, что он изобразит на трубке.

Под утро его уже беспокоило только одно: хватит ли у него времени, успеет ли он выполнить эту работу до отъезда делегата.

Домосед Гэммауге решился даже слегть в соседний посёлок, чтобы познакомиться с Этвуги и разузнать всё как следует.

Этвуги он не застал: знатный оленевод вместе со стадом был тогда где-то далеко в тундре; его ждалы не раньше чем через неделю. Возвращаясь на конференцию он должен был ещё только через месяц — так, по крайней мере, сообщили Гэммауге вправлениях колхоза.

Старик вернулся домой успокоенный: за месяц он успеет сделать всё так, как залужу. Не только резную трубку с футляром, но и табакерку к ней сделает. А это особенно важно, потому что

на футляре и табакерке можно изобразить много такого, чего на самой трубке не уместить.

Теперь надо было раздобыть материала. У Гэммауге на примете давно лежал был моржовый кальк редкостной величины. За несколько лет до того Канин, охотник из эскимосского кохоза имени Ленина, убил такого моржа о каких только сказки рассказывают. Гэммауге послал тогда сына в кохоз имени Ленина (а это километров в сорока от кохоза «Угро», и сын купил у удачливого охотника один кальк.

О, тот камьк поднял и покорёженный лед! Гэммауге вырезал на kostи такую картина, которая хранится теперь в Москве, в зале подарков товарищу Сталину. Сталинский дружбе народов посвящена эта картина, и чукотский калюк «Угро» послал её в столицу Родине ко дню 70-летия великого вохода.

Теперь надо снова ехать к Канину. Гэммауге опять послал сына в кохоз имени Ленина, наказав не скучинять. Сын вернулся только к исходу третьих суток, но на этот раз с пустыми руками. Да, второй камьк из сих пор хранится у Канина. Но продаёт его охотник решительно отказывается. Ни за какие деньги!

Дав только немного отдохнуть собакам, Гэммауге поехал сам.

— Ого! — встретил его Канин. — Видно, тебе на самое деле нужен этот бывшень. Что же ты собираешься из него сделать?

Гэммауге не любил говорить о том, чего ещё не сделано. Даже сыну, даже первому своему другу Мэмыль он не рассказал о своем решении вырезать Трубку Мира. Уклонившись от ответа, Гэммауге снова стала уговаривать Канина продать камьк.

Но упорство Гэммауге не прошло. Как бы для того, чтобы подкрепить Гэммауге, он привёз его в комнату, где висел на стене подпись Канина: «Угро».

— Вот он. Тысяча не продадешь. Другие, если хочешь, купи. Есть у меня другие. Только те, конечно, поменьше.

— Ну какая тебе 필요, что он здесь на стене висит? — рассердился наконец Гэммауге. — Ведь я тебе хорошие деньги дам. Назови цену. Но хочешь? Ну, хочешь, я сям назову?

— Не надо. Мне твои деньги не нужны. Ясно, кажется, говорю: не продаётся. Это для меня память.

Гэммауге решил поспать Канина.

— Я понимаю, — сказал он. — Я понимаю, что память о такой удачной охоте приятна даже такому искушенному охотнику, как ты.

— Ты неправильно меня понял, — усмехнулся Канин. — Дело тут совсем в другом...

— Конечно, дело тут не в удаче. Я просто не так сказала. Я хотела сказать о твоей смелости и о твоём охотничьем искусстве. Это вообще не охота. Это вообще не охота. Это... Это для меня память о том, что, о, какой ты мастер! О том, какой ты мастер у меня курица. Когда ты на моем бывшем работал, ты с дружбой народов думал о всем другом нарушения, об эскимосах не думал. Запомни, донести — и всё. Если бы я знала, для чего тебе тог бывшему нужен, разве я за него деньги взяла бы?

— Ты права, Канин, я тогда не подумал об этом. Я совсем не хотел тебя обидеть. И это было уже давно, ты не сделал так долго сердиться. А чтобы загладить свою вину... Скорее мой сын поедет в Анадырь. Я ведё ему купить охотничий нож самого лучшего стал и сам сделает резину рукоять для этого ножа.

— Спасибо, Гэммауге, но я ничем не заслуживаю такого подарка. Ты хорошо умеешь резать по kostи, но ты плохо знаешь человеческий характер: он питается потвёрдже, чем kostь.

Гэммауге задумался. А Канин сердито и упрямно смотрел в сторону огромного биня, который тускло поблескивал на стене.

— Может быть, твой учреждён спасёдешь, — сказал наконец Гэммауге. — Я действительно всю время сижу дома за работой, мало вижу людей. И всё-таки я редко ошибаюсь в людях. Я уважаю твою работу, Канин, и, может быть, я хочу смуглить твой характер. Нет, Канин, я понимаю твой характер и именно поэтому уверен, что ты расстёгнешь дружбу народов.

И Гэммауге рассказал о своем новом замысле. Канин сам снял со стены камьк, сам отнес его в нарты Гэммауге.

— Правильно, — сказала он на прощание, — когда сделашь Трубку Мира и отвезёшь её к Этувиги, объясни ему всё как следует. Пусть скажет на конференции, что все советские народы стоят за мир, и больше и маленькие. И такой великий, как русский народ, и такие маленькие народы, как чукчи и эскимосы. Пусть так и скажет... И не надо благодарить меня, Гэммауге, — добавил Канин, видя, как растроган старый косторез. — Если бы этот бывшень был отлит из чистого серебра, я всё равно не показал бы его для такого дела.

Всё оставшееся время Гэммауге работал так увлечённо, что не заметил, как пролетела и одна неделя других. Когда работа была в разгаре, Гэммауге рассказал всё Мэмыль и сыну: скрытые в трубке «тропы» были на трубке с каждым днём яснее и яснее, говорили о мыслях и впечатлениях речица.

Мэмыль был очень горд тем, что это он рассказал Гэммауге о Трубке Мира! Он восхищённо наблюдал за работой друга, старался помочь ему, как умеет. Мастер поручал ему иногда вырезать что-нибудь: обличка, вершину даёвского холма, — но только не людей. Мэмыль неплохо резал по kostи, особенно если нужно было вырезать что-нибудь смешное, шуточное. Но когда дело касалось трудной, серьёзной работы, тут он, конечно, и не думал справляться с таким прославленным художником, как Гэммауге.

На крыльце футляра были изображены люди разных наций. Они были дружными строем и несли знамёна, на которых было написано слово «мир». Гэммауге хотел, чтобы это слово было написано на разных языках, но сам он знал его только по-русски, по-чукотски и по-эскимосски. Мэмыль и тут выручил: в школе учителей он сумел разузнать, как пишется это слово на английском и на немецком языках, а у сторожа Кабинского — на польском.

Кроме того он помогал во всякой технической работе: высовывал отверстие в мундштуке и чубке, собирал футляр и табакерку из разных пластик, уже законченных мастером.

К исходу третьей недели работы была закончена. Было около двух часов ночи, когда Гэммауге вложил трубку в футляр, дал ей полежать там недолго, потом вынул, осмотрел так, как если бы коллежал там неделю, потом, вытирая пыль, сунул в чубку с ячменной соломкой в этукону розен, как делал это уже не раз. Но старый косторез достал кисть, набрал новую трубку и, раскурив, торжественно протянул Мэмыль.

Они выкурили трубку вдвоём, хотя этой набивки хватило бы на пятерых зялых курильщиков. Затем Мэмыль ушёл домой. А утром, осунувшийся от оторванной от глаза Гэммауге и сообщив превозможную новость: ему сказали, что ещё позавчера Этувиги отправился в путь.

Оставалась одна надежда: может быть, делегат немного задержится в Анадыре с оформлением документов... Или самолёт ешё не будет. Когда Тэргирин улетал учиться в Хабаровск, ей пришлось два дня ожидать самолёта...

Через час собачьи упражня ужек мчались Гэммауге, отправившегося вдогонку за делегатом, сквозь зарево, хлеставшую по лицу пургу.

Зад ожидания небольшой, он хорошо наполаскал, в нём уютно, спасло. За круглым столиком сидят Гэммауге и Этувиги, аetchики Савин, какой-то пассажир с маленькой седой бородкой. Вокруг стоят ещё трое пассажиров и сотрудники аэропорта. Трубка, футляр и табакерка переходят из рук в руки, вызывая у каждого возгласы восхищения. Савин уже в пятый раз рассматривает трубку и снова, удивлённый, находит в разбое такое, чего не замечал раньше...

Гэммауге молчит, глязя его серьёзны и спокойны; они кажутся лишь чуточку усталыми после длинной дороги. Но ни души у старика прадзиня, радостный прадзиня, который вознаграждает художника за долгий, напряжённый труд.

— Дельно придумали, — говорит Савин. — А у выполнено как всем на удивление! В жизни такой работы не видал!

Он передаёт трубку начальнику аэропорта и продолжает:

— Не было бы, как говорят, погоды. А если бы погода не была, то не скажешь, что бы вас не застолило... Только я вот енё что не могу склонить Гэммауге. Обычай, по который я говорю: — это ведь не американский. Это, по-моему, индейский.

— Что ж из того? — возражает пассажир с бородкой. — Индейцы это, собственно, древнейшее население Америки.

Гэммауге сосредоточенно слушает этот разговор.

— Потому, — начинается он, — я и сделал Трубку Мира. Телепрещин американца забыл обычай своих предков. Напомнишь надо.

— Нет, товарищ Гэммауге, — уточняет пассажир с бородкой. — Современные американцы, по крайней мере, большинство их, не являются потомками индейцев. Они, пожалуй... Но не в этом дело. Трубку Мира — это, видите ли, скорее древняя традиция Америки как страны, и не американцев в нынешнем смысле этого слова.

— Всё равно, — убеждённо говорит Гэммауге. — Древний обычай страны должен стать обычаем её народа.

— Особо я не склоняю это хороший обычай, — говорит Этувиги, — если он не будет бороться за мир.

Верно, — соглашается Савин. — Что верно, то верно. Вот это и подчеркните, товарищи Этувиги, когда будете трубку иностранным товарищам вручать.

Гэммауге, успокоившийся таким решением, говорит:

— Я слыхал, что на этой конференции будут выбирать делегатов, которые поедут за границу, чтобы встретиться там с делегатами из разных стран. Так говорил мне мой друг Мэмыль. Передай им эту трубку, Этувиги...

— Да и на нашей конференции будут иностранные гости.

— Да? Это было бы енё лучше. Скажи там, Этувиги, что эту трубку сделал чукотский резчик, сделал из биния, добьёго эскимосским охотником. Пусть наши советские делегаты выкуриют эту трубку с иностранными делегатами и будут вместе бороться за мир. И ты, Этувиги, тоже кури её вместе со всеми... Только рано ты это скажешь, — говорит Савин, — потому что у нас нет такого лучшего табака. Купи в Москве самого дорогого, самого крепкого.

— Капитанского-то, — подсказывает кто-то из пассажиров. — Только товарищи Этувиги, кажется, не курят...

— Ничего, — отвечает Этувиги. — Для такого дела смогу.

Он берёт трубку, уже положенную в футляр начальником аэропорта, берёт табакерку и аккуратно складывает её в свою чёмодан.

Время отбьёт. Северное сияние уже погасло. Начал падать снег: Этувиги, значит, не ошшибся. Но это совсем редкие хлопья, почти не нарушающие лёгкой погоды.

Только позади самолёт бушует пурга: мотор уже включён, и винт гонит под крылья холодный воздух, обдувает лицо, провожающих. Вот самолёт пробежал немногим по снегу и поднялся.

Гэммауге прощается с начальником аэропорта и трогается в обратный путь. Возле сиденья он прерывает свою упражня, смотриет на Савина, у которого сделала два круга, набрала «бисоту» и взяла курс на юг. Старый косторез, широко улыбаясь, провожает глазами крылатую машину, пока она не превращается в точку, постепенно тающую в небе.

Авторизованный перевод с чукотского

А. СМОЛЯНЯ.

Московское ордена Трудового Красного Знамени Высшее техническое училище имени Баумана. Сталинский стипендант Татьяна Телегина (справа) и студентка Татьяна Максимова на лабораторных занятиях.

Фото А. Монлецова.

175-я московская женская средняя школа. Старшеклассники помогают мальшам.
На снимке: ученица 7-го класса Люда Николаевская (в центре) с ученицами 1-го
класса Ниной Сосниной и Машей Ильинской.

Фото Н. Рясина
и С. Щербакова.

В ГОРОДЕ ЮНОСТИ

Мы стояли с одним старым инженером на берегу Днепра. Был вечер. Позади нас сверкал огнями молодой город строителей — Новая Каховка. Лёд тихо покрутился у наших ног, подпираемый прыгающей водой. С реки дул холодный, пронизывающий ветер, но в его порывах уже чувствовалась свежесть весны.

— Завидую молодым! — неожиданно сказал мой спутник. — Завидую всем, кто начинает свою жизнь на такой стройке...

Даём я видел этого инженера на участке. Заводчики работали с пеком, неожиданно испортившим кран. Инженер, сердитый, ругаясь, отдавал распоряжения. Сейчас его хрипловатый голос звучал мягко и задумчиво.

— Так вон большим трудом коллектусте, спаянным пещеркой целью, люди разрут удивительно быстро. Тут с каждым часом раскрываются новые галтели, закапаются и расцветают, — продолжал он, глядя куда-то вдали, за реку, в синеву вечера.

Он хорошо сказал. Очень точно. Его слова и ёщё раз вспомнила, когда позже встретился с мальчиком Раей Кыровым.

Рая Кырова приехала в Каховку в октябре 1950 года — через месяц после опубликования постановления правительства о строительстве Каховской ГЭС, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов. Приехала она из Удмуртии, из маленькой деревушки, затерянной в лесах. Рая только что окончила школу и хотела работать по специальности, потому что туда отправили на стройку её дядя — опытный шофер, у которого она жила последние времена. Одна Рая не решилась бы тогда на такое далёкое путешествие, хотя и мечтала о нём. Была она тихой, застенчивой девочкой и иногда ещё не былая, кроме узловой железнодорожной станции Яр.

Рая ничего не знала о Каховке, кроме песни:

Каховка, Каховка! Родная иннитовна!
Горячка пуль, лети...

На пароходе пели эту песню всю дорогу, и она летела над Днепром, над опустевшими

полами, над садами, уже тронутыми дыханием весны. Рая любила петь, во здесь, среди мало знакомых людей, петь громко стеснялась. И подневаля, отойдя в сторонку, глядя на плавущие мимо берега...

Вдали, на высоком берегу, забелели домики небольшого города. И кто-то сказал:

— Каховка...

Великая стройка начиналась буднично и просто. Тут строили жилье дома, монтеры тянули к ним провода от столбов. Автомобилей ещё не было, и дядя Василий пока стал простым рабочим на стройке.

Стала работать и Рая. Она носила песок и камни, пилила доски, приятно пахнувшие родным лёгким лесом, помогала штукатурям знаменитой бригаде Маруси Пархоменко. Ходила со своим в старом пиджаке письмом к пархоменко, и все звали её «пархоменкой».

Никогда не забудет Рая свою первую зарплату. Она получила двести шестьдесят рублей — первую зарплату в своей жизни. Потом она получала по полторы тысячи рублей и больше, но никогда так не радовалась, как в тот день. Она стала взрослой, она работает на строительстве Каховской ГЭС! Положив свою зарплату на стол перед дядей, Рая задорно сказала:

— Вот вам и школьница!

...Она мечтала, что станет таким же прославленным бригадиром штукатуров, как Маруса Пархоменко. Но прораб, к которому она обратилась, подумал, окунул критическим взглядом её маленькую фигуру и решительно сказал:

— Слушай, школьница, штукатура из тебя не выйдет. Сильёк не хватит. Иди лучше учиться на мальчика, ладно?

Строители Новой Каховки Раиса Кырова (слева) и Наталья Сачко.

Через полтора месяца Рая Кырова стала мальчиком. Как раз в это время произошло другое важное событие в её жизни: она вступила в комсомол. Рая была первой, кого принял в комсомол на стройке, — тут было чём гордиться!

Бескрайней ей присвоили четвёртый разряд, и как раз в это время бригада мальчиков была направлена на хутор Ключев, где должна строиться гидростанция и уже закладывалась город Новая Каховка.

Город этот пока состоял из четырёх деревянных домиков. Из предстояло окрасить. Бригада была большая, ей решили разбить на три звена. И звеневшей одиночку из них девушки выбрали Раю Кырову.

Здесь на песчаном берегу, где должен был встать новый город, Рая впервые познакомилась с багетчиками, пеодомащиками, стройки. Поднимая тучи пыли, мчались по стеллажам дорогам самосвалы, тяжело ворчали экскаваторы, вгрызались в землю тупорылые бульдозеры и скреперы, похожие на больших

Один за другим вырастают новые благоустроенные жилые дома на улицах Новой Каховки.

жуков, готовили площадки для домов. Каждый день с катеров и пароходов сходили на берег новые люди — из Якутии, из Кавказа, из Подмосковья, из Сибири.

Город рос на глазах. Дома строили поточным методом: рабочие строились и переходили дальше, их сменили каменщики. Они возводили стены и затем уступали место плотникам с пилотограмм. Потом новый дом передавался в кури майяров. Рай и её подруги красили стены комят, белили потолки; так они перекололи от дома к дому, а позади них оставались уже целые улицы, и люди праздновали новоселье!

В звене Раи была самой младшей. Маруся Сидельникова давно уже работала на стройках, участвовала в восстановлении ДнепроГЭСа. Опытными строителями были Кети Каюжная и Тамара Владимира. Аня Ушакова старше звеневьев на целых четырнадцать лет. Но авторитет звеневьев был непререкаемым, жили они дружно — вместе гуляли после работы, вместе ходили по субботкам в кино или на танцы. Особенно подружились Раи со своей землячкой Аней Ушаковой и называли её ласкovo «сестричка». Но настоящая, большая дружба пришла к ней позже и довольно неожиданно.

Однажды вечером ворвались переходящему Красное знамя передовому строительству участку. Раи, которая задержалась и прибежала, когда все уже были в сбое. В толпе девочек она заметила знакомую фигуру Ани Ушаковой в синем комбинезоне. Раи подскочила к ней, синхронно обменялись взглядами.

— Сестричка...

И ахнула: что было вовсе не Аня, а какая-то незнакомая девушка — чернобрювая, с пышной косой под платочком.

— Ой, извините... — сказала Раи.

Девушка удалилась и ответила:

— Ничего, бывает. Давайте познакомимся. Меня зовут Наташа Сачко. А вас?

После собрания они долго бродили вместе по улицам. Наташа недавно приехала сюда из Днепропетровска, и Раи с гордостью старожила показывала ей город. С этого вечера начались их дружбы.

Наташа работала штукатуром. Подруги были чем-то похожи друг на друга: обе маленького роста, с короткими и ласменными. Они вместе ходили на работу и по дороге пили, но затем «поток» разлучил их: Раи попадала в дом лишь после того, как Наташа отдалась его и удаёт дальше, в новый. Они пели и за работой. Часто можно было слышать, как Наташа напевает, поднимаясь по лесам стоящего дома:

В Кахонку едем и побь...
В Коконку знания несем...

А где-то неподалёку ей вторил Раи:
Мы будем учиться, расти и трудиться
И спусту страну привнесём...

Комсомольско-молодёжное звено майяров Раи Кыровой одним из первых на стройке перешло на расцепленно-поточную метод работы. Имена девушек не сходили с Доски почётта, их уже знали все города. Раи получила Почётную грамоту ЦК ВЛКСМ. К ней пришла слава. Художники рисовали на больших фанерных пантах её скучастое, красножёлтое лицо с лукавыми зеленовато-серыми глазами. Её фотографию запросили для Киевского исторического музея...

— Ой, Раиль! Будет такой портрет теперь где-нибудь рядом с мемориалами висеть! — смеялась Наташа Сачко.

Портреты Раи Кыровой печатали в газетах... Правда, на некоторых даже она не могла себя узнать. Волосы у неё были цвета спелой пшеницы и светлые брови, а вот вдруг высияла какая-то жуткая брюнетка. Но все портреты и хорошие и плохие — она безрежко хранила вместе с вырезками из газет и письмами.

Писем она получала много: их присыпали незнакомые друзья со всех концов страны: комсомольцы из Дальнего Востока, комсомольцы из Урала, строители-земляки из Ижевска. Она читала эти письма, и перед её глазами вставала вся страна: большие города и колхозные поля, новостройки, где славно трудались её сверстники и подруги.

Она часто писала матери домой и посыпала ей деньги. Теперь она много зарабатывала

ла, купила себе хорошее зимнее пальто, красивый костюм, платья, туфли, часы. Писала она школьных подругам и даже правление колхоза — все интересуются великой стройкой. И Раи подробно рассказывала о своей работе, о том, что переехала недавно в новый домик на улице Молотова и что стены в этом домике красило звено Шуры Максименко, которых она соревнуется; увлекательно описывала рождающийся прекрасный город. Это были умные и хорошие письма. И, читая их там, в далёкой лесной деревне, люди удивлялись, как быстро выросла девочка, которая в их памяти всё ещё была школьницей и тихой.

Рае казалось, что она живёт в этом городе уже очень давно, всех прекрасно знает. Она часто выступала на собраниях, а однажды даже написала середину статьи в газете. Получилось это так. Пришли на работу в только что отстроенный дом, девушки заметили, что каменщики многое недоделали, плохо поработали. Такие сильно дымяли. Раи сказала об этом начальнику участка, но тот не обратил внимания.

— Красас! — приказал он.

И как ни споряли девушки, заставил их покрасить недостроенный дом, а потом печи пришлось перекладывать вновь и вновь красить заново. Возмущённая, Раи написала в газету, привлёкшая всех строителей бороться за высокое качество работ на каждой операции.

Раи стала много читать. К книгам её приступила Наташа Сачко. В выходные дни они часто садились в лодку, захватив с собой какую-нибудь новую интересную книгу, и до позднего вечера катились по Днепру. Раи гребла, а Наташа сидела на корте и читала вслух, потом они менялись местами. Каждая такая прогулка всегда приносила много интересного и ещё больше облизывала подругу. Поехав за реку было своеобразной экскурсией по всей стройке.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ
Ментер

Мне нравится снона и снова
Под крыши высоких домов
Звенящий натягивать провод
От новых сосновых столов.

Заводчики весёлую песню —
Подружный подхватывает тотчас.
Подошла ватага ровесниц
Почти тепло смотрит на нас.

И друга толкаешь плачет ты,
А тот ульбнётся в ответ —
Немало работает почтёной,
А силы — на тысячу лад!

Тут есть чем, товарищ, гордиться:
В колхозах родной стороны
Так же я горю, как в столице,
Твоим рукой зажжены.

г. Воронеж.

Они плыли мимо причалов, где днём в ночью разгружались баржи с камнем, с лесом и цементом. Башенные краны пронеслися где-то высоко огромные трубы. Ожила болотистая почва Днепра, заросшая кустарником и осокой. Здесь сновали автомашинами, гудели моторы. Затянуло дыхание, наблюдавшими подруги за работой шагающего экскаватора.

— Раи, а ты знаешь, где мы сейчас? — спросила Наташа, не отводя от экскаватора сизящих глаз.

— Где?

— На дне моря! Здесь будет Каховское море, понимаешь?

Стройка всё ширилась. Над городом высоко поднялись серые башни бетонного завода. Землесосы начали играть колоколами. В одном из этих котлованов будет построен шлюз, а

в другом — гидростанция и бетонная водосливная плотина. Подруги недавно побывали на Днепропетровске и теперь живо могли представить себе эту будущую плотину. Вот здесь она встанет высокой стеной, и Днепр покорно несёт свои воды в засушливые, отдалённые солнцем степи...

Когда они видели эту грандиозную картину огромной стройки, раскинувшейся на десятки километров, собравшей на работу начинавших катастрофически со всем сиромятом и обыкновенностью. Они забывали о том, что первыми пришли на этот берег, чтобы заложить алею города и построить дома для монтажников, эксплуатационников, машинистов землеснарядов. Их все больше тянуло теперь на основные работы.

— Знаешь, Наташа, я решила пойти на курсы... — сказала однажды Раи. —Хочу бетонщиков стать. Как плотину научрут строить, я тут как тут — привыкнула строить, я нового бетонщика.

Ты как думаешь?

Об учёбе Наташа всегда напоминала по-другому. Сама она окончила здесь, на стройке, десятый класс вечерней школы рабочей молодёжи, получила аттестат зрелости и теперь готовилась поступить в вечерний филиал Одесского гидротехнического института, который открывался в Новой Каховке. Наташа уговорила и Раю пойти учиться. Но то пропустила несколько занятий, машина рубой и бросила учёбу. Годы она чуть не пересорицяла подругу, потому что сердце её болело.

— Это я! — сказала заслуга, что ты хорошо работала... — сказала ей Наташа. — Если учиться не будешь, завтра отстанешь, вылетишь из передовиков. Смотри: не стала учиться, мы с тобой не знакомы...

Наташа не только дома браница подруги,

но и ещё наставила, чтобы Раю вызвали в комитет комсомола стройки.

Курсы бетонщиков Раи окончила успешно. И, подумав, решила поступить на новые курсы, готовившие мотористов-операторов для бетонных заводов-автоматов, уже поднимавшихся на окраине города. Вместе с ней стала заниматься ещё две девушки и ей стажировалась Наташа Сачко — Маруся Сидельникова и Тамара Владимира.

Новая Каховка переживала волнующие дни. Подготовительные работы в основном закончены. Начинается самое главное и самое увлекательное — строительство плотины в Каховской гидростанции. Лодки подтягиваются к земле. Строители решают на год сократить срок, установленный правительством, и пускать гидростанцию уже в 1955 году.

Это стало возможным потому, что Раи Кырова, Наташа Сачко и другие молодые строители быстро строили город, досрочно возведя дома, прокладывая дороги, заставляли быстрее работать землесосы и экскаваторы, бульдозеры и полёдильные краны. Страйкница начинялась буднично, но она с самого начала была великой, и успех её решался каждый день и каждым строителем.

Солнечным утром Раи Кырова и Наташа Сачко стоят на берегу Днепра. Сегодня выходной день и можно до позднего вечера бродить по улицам, слушать звоники, весёлый перестук капели и мячтать.

Далёкий берег Днепра окутан синеватой дымкой. Вода журчит и пенится, подмывая высокий берег. А на берегу шумят города, построенные их руками. Красивые каменные дома стоят адольф широкие улицы, отводившие место далеко от Днепра.

Этого города ещё нет на карте. Но он уже существует — город юности Новой Каховки. Девушки поднимают головы к небу, где космы трёхголовника, пролыпают над городом журавли.

— Весны несут, — серьёзно говорят Наташа, провожая их глазами.

Взвинтились за руки, они долго стоят на берегу, смотрят на город, на реку, на белые пушистые облака.

КЛЕМЕНТ ГОТВАЛЬД

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием извещают партию и всех трудящихся о том, что 14 марта в 11 часов дня в Праге после непродолжительной тяжелой болезни скончался Президент Чехословацкой Республики, Председатель Коммунистической партии Чехословакии, выдающийся деятель международного рабочего движения, любимый вождь народов Чехословакии, верный друг Советского Союза товарищ Клемент Готвальд.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТ ПРЕЗИДИУМ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ МИНИСТРОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА СОЮЗА ССР СССР

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ,
ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета Союза ССР выражают свое соболезнование и разделяют вместе с вами глубокую скорбь по поводу безвременного кончины Председателя Коммунистической партии Чехословакии, Президента Чехословацкой Республики товарища Клемента Готвальда.

Народы и Коммунистическая партия Чехословакии потеряли в лице товарища Клемента Готвальда своего великого вождя, неутомимого и бесстрашного борца за победу народно-демократического строя и за построение социализма в Чехословакии.

Трудящиеся всего мира лишились одного из выдающихся деятелей международного рабочего движения, которому товарищ Клемент Готвальд поставил всю свою замечательную жизнь пролетарскому революционеру.

Товарищ Клемент Готвальд неустанно работал над укреплением тесного союза и нерушимой дружбы между Чехословакией и Совет-

ским Союзом, видя в этой братской дружбе гарантию независимости и процветания Чехословацкой Республики.

Верный соратник Великого Сталина, испытанный друг Советского Союза Клемент Готвальд вел Чехословакию по пути укрепления советско-чехословацкой дружбы, в которой справедливо видел залог свободы и независимости Родины.

В эти скорбные дни тяжелой утраты мы выражаем твердую уверенность в том, что народы Чехословакии еще теснее сокнут свои ряды вокруг Коммунистической партии и Правительства Чехословакии в борьбе за дело мира, за укрепление дружбы между народами и за построение социализма.

Скорбя вместе с народами Чехословакии по поводу тяжелой утраты, народы Советского Союза сохранят в своих сердцах светлый образ Клемента Готвальда, который всегда будет являться ядоносителям примером борьбы за мир между народами, за дружбу между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой на вечные времена.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

ЗДЕСЬ СТУДЕНТЫ

Фото Я. Й.

Перед походом надо внимательнее осмотреть лыжи.

1

2

1. Хорошо подняться вместе с солдатами и, позавтракав, отправиться в лес.

2. У конькобенцев весёлые, возбуждённые лица.

3. Вместе со студентами поют профессора...

В одном из чудесных уголков Подмосковья расположен санаторий имени Ленина энергетического института имени В. М. Молотова. Называется это место «Лесной курорт».

Здешний, напойший запахом хвойных воздухов, в самом деле с первого же дыхания вызывает у отдыхающих студентов прилив энергии, бодрости, силы.

Смеяком и говором наполняются светлые коридоры и уютные, красавиц комната санатория.

Но разве долго усидишь в помещении, когда за окном искрится на солнце снег, звенят лёд на катке! И вскоре все прихватываются ухоженными лапками в парке, в лесу. Хорошо идти по лесу в лыжах, слушать, как шумят деревья.

Речушка, протекающая в лощине, запружена; здесь устроен каток. Рядом с спаль-

ЕСТЬ ОТДЫХАЮТ

одниара.

ными конькобежцами на катке можно увидеть и тех, кто ещё только учится кататься.

Приятная усталость не тягелит мышц. Раскрасневшиеся и возбуждённые студенты бегут в столовую. После лыжных прогулок или игр в волейбол никто не жалуется на отставание в спортивной форме.

А после этого часа всё повторяется снова: звенит колокол, скрывает снег на лыжне, в лесу слышен задорный, звонкий смех. Многогодично и в танцевальном зале, в библиотеке.

...Вечер, Погожинев, собирается молодёжь в клубе посмотреть новую цветную кинофильм. До начала сеанса ещё минут пятьнадцать. Хочется поговорить с друзьями, пошутить, помечтать. А завтра снова такой же радостный, светлый, чудесный день!

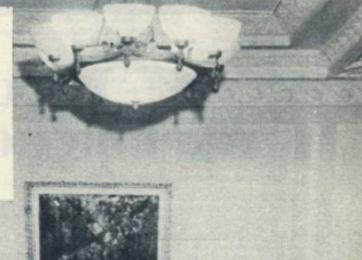

4

5

4. На снегу играется не хуже, чем летом. Всё дело в игроах.

5. Они приехали учиться в Москву из Китая и Румынии, из Болгарии и Чехословакии. В санатории они встретились за «столом дружбы».

Провозглашение Коммуны.

РУССКИЕ В ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

«...всякий, кто хочет узнать, что такое в представлении марксистов диктатура пролетариата, тот должен ознакомиться с Парижской Коммуной.»

И. В. СТАЛИН.

Был 1870 год. Над Западной Европой стоял грозный гул артиллерийской канонады. Чёрный дым тянулся от горящих деревень. Шла франко-прусская война. 2 сентября 1870 года 83-тысячная французская армия в битве под Седаном капитулировала перед войсками Пруссии. Это поражение французского оружия привело к падению Второй империи Наполеона III.

В стране образовалось правительство Национальной обороны, заключившее поэзский мир с Пруссией. Попытка буржуазии Франции, боявшейся революционного пролетариата столицы, в ночь с 17 на 18 марта разоружить трудящихся Парижа послужила сигналом для начала народного революционного восстания. Утром 19 марта Париж находился уже в руках пролетариата. Буржуазное правительство Тьера бежало из города, и на ратуше развевалось красное знамя. Пролетарская революция свершилась.

Парижская Коммуна — «первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину». Движение Коммуны, принявшее в итоге «революционно-социалистический, пролетарский характер», привлекло в свои ряды многочисленных революционеров, представителей самых различных националь-

парижских «постанцев» имеется по крайней мере до 600 русских политических эмигрантов.

Участие русских революционеров в Парижской Коммуне не случайно: оно органически вытекает из общего состояния русского революционного движения 60—70-х годов. История не сохранила имен всех русских, принимавших участие в Парижской Коммуне, но немногие дошедшие до нас документы позволяют восстановить фамилии некоторых участников и их роль в первой республике рабочих.

На следующий же день после провозглашения Коммуны, 29 марта, в Париже по личному поручению Карла Маркса, как представитель Генерального Совета I Интернационала, приезжала русская революционерка Елизавета Лукинична Дмитриева.

Двадцатилетняя девушка решила отдать все свои силы делу рабочего класса, делу Коммуны. В одном из писем она сообщает: «...Я много работала, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и помочь раненым...»

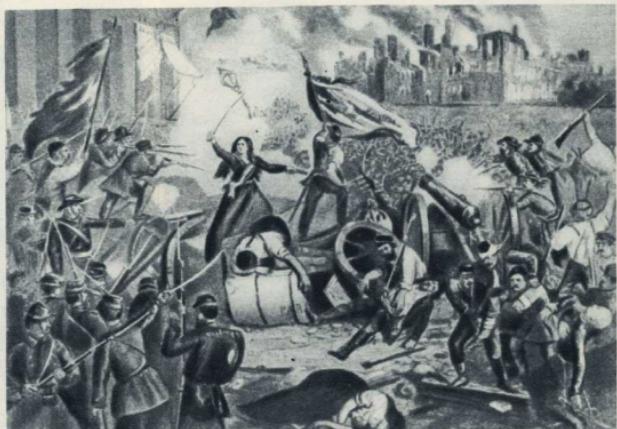
Дмитриева несёт в массы идеи Интернационала и сознание необходимости революционной борьбы. Я счёл наглядно свидетельствует написанное ею 7 апреля воззвание «Гражданкам Парижа»:

«К оружию! Отечество в опасности!

Наша враги это — все те, которые жизни нашим потомкам и жицели нашей нужды! Гражданки, настал решительный час! Надо покончить со старым миром!.. Не одна Франция теперь поднимется... Даже Германия потрясена и обработана лыханием революции. Даже в России едва гибнут защитники свободы, как на их место появляется новое поколение, готовое в свою очередь бороться и умереть за республику и социальное переустройство...»

На многочисленных собраниях и митингах она выступает с речами о кровавых врагах революции, о гражданской войне, о характере Коммуны.

Дмитриева пользуется большой любовью и популярностью среди населения

Бой коммунаров с версальцами 24 мая 1871 года.

города, сб избирают в члены ЦК Союза женщин для защиты Парижа. Когда коммунары вышли на баррикады, то плечом к плечу с мужчинами сражались женские батальоны, созданные француженкой Лизой Мишель и Елизаветой Дмитриевой.

На баррикадах Коммуны героической смертью погибла другая русская революционерка — Анна Теофиловна Пустовойтова. Переодевшись в мужской костюм, под именем Антона Пустовойтова она принимала участие в обороне Парижа. На бруствере одной из последних баррикад Анна Теофиловна водрузила красное знамя с надписью: «Да здравствует пролетарская социальная республика и Парижская Коммуна!» Она поклялась не отдать его врагу.

Вдали от Родины, защищая святое дело рабочего класса, она пала смертью героя. На следующий день газета коммунаров «Красная нирода» писала: «Что оставил она себе? Честное, доблестное имя, которое вечно будет служить примером для вступающих в жизнь юношей с пылкой душой и благородным сердцем».

Длительное участие в работе Коммуны принимал идеолог народничества П. Л. Аввакумов.

В борьбе парижского пролетариата участников и русская революционерка писательница Анна Васильевна Коринь-Круковская, жена одного из руководителей Коммуны — Виктора Жаклара.

С первых же дней провозглашения Коммуны Коринь-Круковская, совместно с французской писательницей Альдо Лео основала прогрессивную газету «Ля сосиаль», которая выходила с 31 марта по 17 мая. Но еще больше сил и энергии она отдавала революционно-пропагандистской работе. Коринь-Круковская была одним из членов комиссии, созданной Коммуной для реорганизации женского образования.

Вместе с Анной Васильевной в революционном Париже находилась и ее сестра, первая женщина-математик Софья Ковалевская, со своим мужем, знаменитым палеонтологом Владимиром Оптическим Ковалевским. В дни Коммуны Софья Ковалевская работала в госпиталях, помогая раненым коммунарам. Впоследствии она собиралась даже написать поэместь «Сестры Раевские во время Коммуны».

В архивах сохранились также письма В. О. Ковалевского к брату, где он пишет, что «с 5 апреля до 12 мая жила очень хорошо под Коммуной». Но уже в следующем письме, от 28 мая, Владимир Оптический пишет: «Покосы раздреблительные вести из Парижа... Очень многие из наших хороших знакомых убиты и расстреляны... Лучшие и энергичные люди расстреливались на всех углах».

Мир облетело известие о кровавых зверствах версальцев в Париже. Всё передовое человечество содрогнулось при известии о терроре конгреволюционных войск. Правительство Тюра потопило Коммуну в крови трущихся. Сто семь тысяч жертв мужчин, женщин и детей, — так французская буржуазия расправилась с революцией.

Память о героях-коммунарах будет жить вечно в сердцах людей. Народы мира никогда не забудут имена русских, отдавших свою силу и жизни делу революционной борьбы французского пролетариата. Дело Коммуны не умерло. «Урок, полученный пролетариатом, писал впоследствии В. И. Ленин, — не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России...»

Ю. ОВСЯННИКОВ

Автопортрет.

ХУДОЖНИК-КОММУНАР

Жан Дезир Гюстав Курбэ родился в 1819 году в семье фермера-винодела. Дядя Курбэ, особенно влиятельный в семье, оказал на него большое влияние. Дядя был участником Французской революции 1793 года.

Отец Курбэ был мастером-ремесленником, но юношу неудачно отсыпало в монастырь. Хотя Курбэ и посещал мастерские, некоторыми рукоизводами довольно известные художники, это почти не помогло в дальнейшем. Он учился у природы, неустанно изучал наивных художников реалистов, Рибера, Веласкеса, Рембрандта и других.

Кисти Курбэ принадлежат ряд великолепных работ автопортретного характера: «Раненый», «Человек в коммюнистическом поиске», «Автопортрет с трубкой» и др.

1849—1850-е годы — годы высшего подъема творчества Курбэ. Он создает яркие реалистичные картины «Последнее время в Орлеане», «Затем следует эпизод из истории Добрынинки наимя», изображающие старину и юности. Образованные и истицкие, они заняты изнутри и снаружи, они ведут к жизни, к развязке, к сокалению, погибают в страшном огне. Курбэ — один из первых мастеров парижской бомбардировки Дрездена американской армии.

В 1849 году Курбэ написал свой главное произведение — «Похороны в Орлеане», изображающее группу мужчин и женщин, собравшихся для отпевания мертвого отца своих сограждан. В этой картине художник показывает, какими он их видел на своей родине. Курбэ из этого фигура новейшей своей, неповторимой жизни.

В течение ряда лет Курбэ находился в центре внимания парижской, а вскоре и мировой художественной общественности, и предметом насмешек и похвал, неминуемых и неизбежных. В 1853 и 1867 годах он устраивает свои большие выставки. Его выступление в Антверпене в 1867 году не осталось без внимания. Утверждают за него славу вождя реалистического направления.

«Парижаны, видите, идем и внешний вид моей эпохи в моей оценке, одним словом, давать живое искусство — танов мои цель», — пишет Курбэ. «Сущность реализма, — говорил

он, — ничто иное... как отрицание идеализации».

Курбэ создал сотни картин, он был человеком, который любил скромный компромисс. В 1860-х годах Курбэ создает картину на тему «Возвращение с приходской конференции», где изображена группа пыльных нарве.

В 1871 году, во время Франко-пруссийской войны, Курбэ, будучи членом Коммуны, на III съезде сделал попытку «задобрить» Курбэ наградив его орденом почётного легиона. Но Курбэ категорически отверг награду, — открытым письмом министру культуры заявил: «Позвольте мне свободно закончить мой существование; когда я умру, обо мне должны будут сказать, что я был гражданином, и каким учреждением и обществом я служил, и каким учреждением и каким церкви, и какому учреждению и обществу я служил».

Курбэ было решено поместить его в могилу на Пантеоне. Но Курбэ был избран тайным голосованием в члены Коммуны. Он выступил против этого, включаясь в движение «Бандомия художников» (памятник Наполеону I) и приговорил к наказанию реального штрафу.

Выйдя из Пантеона, Курбэ эмигрировал в Швейцарию, где он и скончался 30 декабря 1877 года.

Через 42 года родственникам удалось перевезти прах художника на родину.

В. В. Стасов, давая обзор искусства XIX века, писал: «Пробудите нас уверить, что Курбэ — единственный художник, который не забыт, кто всё торжество его мысли, его проповеди — ещё впереди, и мыные они более нужны, чем когда-либо». Было же требование, что в искусстве должна быть «идея, идея, идея», правды, реализма, а реализма, по его словам, есть искусство демократическое, т. е. искусство справедливое, зрячее и чуткое».

А. ТИХОМИРОВ,

кандидат искусствоведческих наук.

«Добрынинки наимя».

Александр СМЕРДОВ

ВЕСНА НА ОБИ

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Широко развернутое строительство дальневосточной, Камчатской и Командорской гидроэнергостанций.»

Из доклада М. Собурова на XIX съезде КПСС.

Сняв причалы и мост понтонный,
распложив гудками с рекой,
пароходы ушли в затон
на ремонт, на зимний покой.

Завершив перед ледоставом
судоходные асе дела,
Обь на север текла устало,
от шаги тяжела, бела...

А в Кремлевском высоком зале,
где решалась судьба Земли,
Обь в порядок для записали,
в грядущие предрекли.

В эти дни горячо на Съезде
шла о том партийная речь,
что пора ей в Волгоград вместе
коммунистов огни зажечь.

Что, согласно Великим Планам,
ей пора и силу и бег
от Полярного океана
поворачивать в новый век...

Небывалое что-то сталоось
в эти дни с рекою: она
вдруг стянула с себя
усталость,
всколыхнувшись до самого дна...

Раскачалась зыбью высокой
по весь плес — водами горда,
и от Бийска до Карагаска
вдруг очистилась от льда.

Вопреки погоде и срокам,
ледостав снега власты
в октябре половодьем широким,
словно в мае, Обь разлилась.

Будто, лишь из Кремля долетели
вести радостные, она
поняла, что на самом деле
наступает ей весна.

И отныне уже не смолкнет
и над нею тот вешний гром,
что, сверкая, гремит на Волге,
перекатывается над Днепром...

Будто, в встреч горячим ветру,
прилетевшим из Чиммы,
Обь решила поднять ответно
голубые свои волны.

Будто, с близкой зимой спора,
не терпелось скорее ей
расплеснуться Сибирским
морем
от тайги до сухих степей.

Будто, льдов разметав оковы,
разволнивала до глубин,
точек хлынувших была готова
на стальные винты турбин...

Там, где будущая плотина
из обских поднимется вод,
Обь не хочет отныне стынуть
и грехочет, как в ледоход.

Над её неоглядной поймой
зори новой весны зажглись.
Стрельбы техники землеройной
и стропила взметнулись ввысь.

Берега озаря жарко,
светят с вечера до утра
звезд сильнее — электросварка,
ярче солнца — прожектора.

Будто паводок, полным ходом
и на весь обский размах,
днём и ночью гремит работа
в котлованах и на лесах.

И хотя уж кругой, нещадный
из Нарымы мороз дожнул,
не смолкнет над
стройплощадкой
созидаания весенний гул...

Будто, стыдный и жестковатый,
грunt от холода отошёл:
так легко его экскаватор
разрезает своим ковшом.

Сорвавшись с крепнейшей
стужей,
с бороды обрывая лёд,
растянувшись, монтизмик
дюжий
арматуру вяжет и гнёт.

Споря с ветром жестовым,
на кругой высоте опор
тянет кабель высоковольтный,
рукавицы скинут, монтер...

От Оби до Волги не близко,
но строитель бросает взгляд
с новостройки новосибирской
на сверкающую Сталинград.

Там, где просекой пока ёщё
обозначен фронт его работ,
появился богатырь шагающий,
плечи упираясь в небосвод.

Будто с Обью-матушкой
здраворавься,
возле бердских сосен и берёз
он ручицку сорокаметровую
над широкой поймой занёс.

На своих двоих, переступая
грозно,
величаво двинулся туда,

где по руслу будущего шлюза
по его следам пойдёт вода...

...Сразу не повернёшь поневоле,
что послушен чудо-землекоп
пареньку лет двадцати, не
более,
с чубом, ниспадающим на лоб.

Между тем, спробуя моторы,
выверяя каждую деталь,
он хозяин промеряет взором
перед ним распахнутую даль.

Деловито расправляя плечи,
говорит машине, щуря глаз:
— Фронт работы славный
и масштаб, пожалуй, в самый
раз!

Руки — к пульте, на педали —
ногу,
машинист дает моторам ход.
Экскаватор, всей громадой
драгнув,
главный начиняет разворот.

И по сущу неба голубого
прочертит дугу своей стрелой,
ковш тяжёлый —
четырёхкубовый —
глубоко земной вонзает склон.

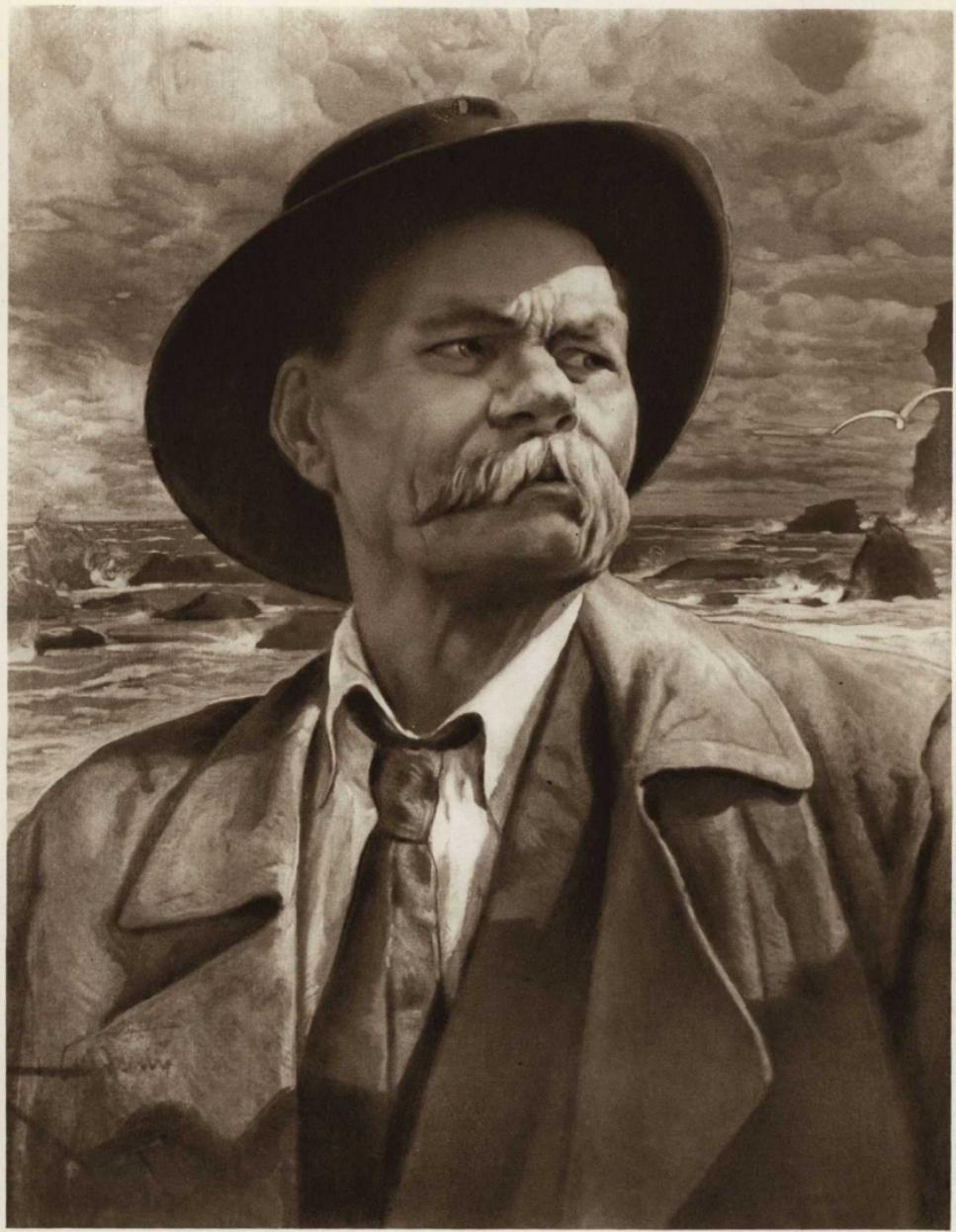
Шаг за шагом. Над обской
забокой
вырастает земянка сугроб.
Шаг за шагом трассою глубокой
шествует железный землекоп.

И его водитель, горд и весел,
под моторный гул, под гром
земли —
жаль, обских ёщё не знает
песен! —
г. Новосибирск.

Комсомолка Александра Усанова, мотористка швейной фабрики № 23, депутат Ленинского районсовета Москвы.

Фото И. Халипа.

А. М. Горький.

Портрет работы И. Бродского.

ГОРЬКИЙ – МОЛОДЕЖИ

Замечательному писателю земли русской Алексею Максимовичу Горькому выпала на долю великая историческая миссия быть пешмом рабочего класса-победителя, выразителем коммунистических идей. В своих произведениях он запечатлел необычайно сложный процесс смены двух эпох — переход от капитализма к социализму. Он творил под благовидным воздействием вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина. Их бессмертные идеи помогали Горькому создавать творения величайшей художественной ценности. На его книгах воспитывались и воспитываются многие поколения советских людей.

Имя Горького — основоположника литературы социалистического реализма — должно всем честным людям на земле. Его художественный гений не только обличало мерзость капиталистического строя, но и открыл ясные, светлые дали прекрасного будущего, приход которого он предвидел.

Для молодёжи произведения Горького — учебники жизни. Они заражают сердца миллионов юношей и девушек великой любовью к Родине, к партии Ленина — Сталина, воспитывают любовь к труду на благо Родины.

Но случайно, подчёркивая выдающееся значение нашей классической литературы в мировой истории, Горький указывал на её воспитательный характер. Необычайно велико воспитательное значение произведений самого Горького.

Великий буревестник революции считал, что литература, создавая героические характеры, должна вдохновлять людей на подвиг во имя народа, во имя Родины. «Нужны подвиги, подвиги! — писал он, обращаясь к первым литераторам своего времени. — Нужны также слова, которые бы звучали, как колокол набата, тревожили все ви и, согряся, tolkali вперёд!»

Горький был одним из выразителей передовых идей своего времени. Неразрывная связь Горького с лучшей частью молодёжи нашла выражение и в его общественной деятельности и в его творчестве.

Героизм образов революционеров, самоотверженных борцов проходит перед нами в многочисленных произведениях Горького. Герои, готовые к подвигу на благо народа, стали выразителями свободолюбивых устремлений писателя. Юноши Данко, вырывающий свое сердце, чтобы осветить путь людям, явился романтическим прообразом — предвестником реалистических героями: Павла Гречёва из повести «Тroe», машиниста Нила из пьесы «Мещанин», Павла Балкова из романа «Мать», молодого Ильи Артамонова из «Дела Артамоновых».

Вера Горького в народ, в его мудрость и талантливость нашла свой отражение в многообразии и яркости типов русских людей, встречающихся в произведениях писателя. Ненависть всей душой тщедушных мещан, похожих друг на друга, как птицы чеканки одного года, Горький показывает нам новых людей с их беспокойной и мятежной жаждой к подвигу, с их неустанным желанием узнавать мир, переделать его.

Много лет спустя, вспоминая о прошлом, Горький писал: «Молодёжь наша, конечно, знает по книжкам эту подавшую постыднейшую жизнь, но, быть может, эти же книжки ещё не силах показать стыд и мерзость жизни этой во всей её отвратительной сущности. Человек насиливал не только физически, высмеивал из него рабочую силу, его и политически держали за горло, чтоб не кричал, не жаловалася на жизнь никому, кроме бога, которого нет, да и богу молиться разрешали только молча, а не вслух. Человека всячески унижали, высосут его, обессиянят и гумитя над его бессмыслием, чтоб окончательно уничтожить в нём возможность его протеста, признаки ещё не совсем выработанного чувства собственного достоинства, желания лучшего, мечту о какой-то другой жизни на земле».

И Горький неустанный призывал молодёжь изучать прошлое потому, что это даёт возможность глубоко понять историческое значение великой революции, обеспечившей людям право на молодость. Обращаясь с приветствием к пионерам, Алексей Максимович писал: «Теперь, когда я вижу вас... мне кажется, я как будто бы попад в новый мир, в тот мир, который мне даже не снился, который не могли представить себе даже социал-утописты, рисовавшие себе будущий строй в ярких красках. Эти социал-утописты не могли себе представить всего того, что теперь есть... Вот это надо вам понять, ребята. Для того, чтобы оценить хорошо то, что есть в настоящем, вам надо знать хорошо прошлое».

Горький призывал изучать героические традиции народа, указывая, что молодёжь «должна хорошо знать труды и подвиги

своих отцов», что она «должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран».

Советской молодёжи посвящена замечательная статья Горького «Вперёд и выше, комсомолец!»

В этой статье Алексей Максимович писал:

«Никогда, ни в одной стране молодёжь не работала так разнообразно и успешно, как она работает у нас, в Союзе Социалистических Советов. Очень трудно дать подсчёт этой работе, трудно вспомнить все роли, выполняемые нашей молодёжью в общественной, общегосударственной работе».

В советской молодёжи Горький видел «полную хозяйственную, багрячую страну и поэтому прельялась к ней большинство, подчас суровые требования». Он видел, что молодёжь, руководимая Коммунистической партией, создаёт новую, социалистическую историю. Такая высокая оценка роли молодёжи вызвана желанием показать, что только в нашей стране юноши и девушки получили возможность сознательно, разумно строить свою жизнь. Именно поэтому, как указывает Горький, необходимо знание революционной теории.

Овладение знаниями — это не только право, но и обязанность молодёжи, идущей на смену отцам и матерям, на помощь старшим братьям и сёстрам в их великом труде. Призымы Горького к молодёжи вызваны тем, что он видел в ней творческую силу, создающую культурные ценности. Алексей Максимович неоднократно в многочисленных статьях говорил о творческих дарованиях молодёжи различных областях созидательной деятельности. Он гордился ей трудом в науке, технике, искусстве. «Комсомол достаточно определённо заявил и заявляет о своей жизнеспособности и своем жизнестроительстве», — замечает Горький в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры».

Горький придавал большое значение роли комсомола в развитии нашей литературы. Массу молодых читателей Горький представлял себе в роли возбудителя иного, более активного настроения в литературе нашей.

Известно, как серьёзно и требовательно подходил Горький к творчеству молодых писателей.

Алексей Максимович упрекал критиков, которые не думают о будущей смене, призывают писателей чутко относиться к творчеству начинающих писателей и сам показывал образцы такого забывчивого, любебого отношения.

Горький был поборником всесороричного гармонического развития личности, поэтому он считал, что молодёжь должна быть застrelьщиком социалистических форм жизни не только в школе и на производстве, но и в быту. «Нам нужно создавать новый, социалистический быт. Нужно, чтоб слова товарищи, друг не были пустыми словами, как это заметно было... Советский человек — существо, которое привлекающее внимание тружеников земли, — надо, чтоб это было образцовый человек, не только в его трудовой деятельности, но и в бытовом его отношении». Эти слова Горького звучат, как сказанные сегодня.

Так же актуален боевой призыв Горького быть готовыми к беззаветной и самоотверженной защите своего Отечества. «Тот факт», — писал Горький на страницах газеты «Известия», — что международные мрази желают нас втянуть в войну, тревоги не должен возбуждать и не возбуждает. Было бы неестественно, если бы капиталисты не пробовали постыдиться из пушек в альб, которые на соблазн и поучение всех стран пролетариев, среди которых народы капитализма в своей стране. И, разумеется, комсомол тоже должен колпин пород и держать его сухим».

Горький всегда указывал, что всем, что она имеет, советская молодёжь обязана Коммунистической партии, товарищи И. В. Сталину. Это они открыли перед поколениями молодых строителей коммунизма необозримые просторы для проявления способностей и талантов.

Одни из своих прекрасных посланий молодёжи Горький закончил ярким, взволнованным приветствием:

«Да здравствует простая, ясная мудрость наших вождей, первых и единственных в мире вождей, которые не пошлют, никогда не пошлют народ, свой порабощать маньчжуров, абиссинцев, китайцев, индусов!»

Друг великих вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина, Горький, подобно им, любил и поставлял юных строителей коммунизма — верных помощников Коммунистической партии.

Профессор А. ВОЛКОВ

Свыше двух тысяч экспонатов размещено в этом музее. Каждый экспонат: документ, фотография, рисунок, картина, вещь — рассказывает нам о жизни и творчестве великого писателя А. М. Горького.

Страницы

Его университеты

Шестнадцатилетним юношей приехал в Казань Альбус Пешков. За плечами его была потрясающая, но полная тяжелых испытаний жизнь.

сироты в доме известного деда, жизни «в людях». Двери Казанского университета перед ним, сыном народа, были закрыты. Университетские стены трудились избы и революционерами. Печать на них фотография — маленький дом. Здесь помещалась булычная, принадлежавшая Андрею Денинову, одному из участников казанских революционных кружков.

Работая в этой булычной, Алексей Максимович познакомился с революционным учеником. В кружке Денинова Горький впервые прочёл гениальное произведение Карла Маркса «Капитал». Эта книга, а также произведение великих революционеров Ф. Энгельса и Б. Вильямса, открыли для него широкий мир, его страстью ненависти и самореквиема. Здесь будущий писатель приобщился к великому делу освобождения трудового народа от ига капитализма. И этому делу он остался верен всю свою жизнь.

Начало пути

Десятки тысяч километров прошёл Алексей Пешков по дорогам России. Много увидел и услышал он во время этого двухлетнего странствия по родной стране. В 1892 году Горький пришёл на Кавказ, в Тифлис, и здесь судьба

ца, Калиновский разгадал в молодом человеке незаурядный дар художника. В квартире Калиновского, за его столом, иные бережно хранимые в музее, и были написаны рассказы из цикла «Мудрость Природы». Помимо этого рассказ был опубликован в финской газете «Кавказ» 12 сентября 1892 года. Там родился писатель Алексей Максимович. На всю жизнь сохранил Алексей Максимович чувство большой любви и уважения к человеку, который обладает способностью к радостной путь руслам жизни. «Вашему поклону я обязан тем, что вот уже слишком тридцать лет честно служу русскому искусству!», — писал Горький Калиновскому в 1925 году.

А. М. Калиновский.

свела его с ссылкой революционером-народником Александром Медоевищем Калиновским. Человек большого ума и широкого серд-

Буревестник революции

«Пусть сильнее грнет буря!» — эти слова бессмертной горьковской «Песни о Буревестнике» были боевым призывом к революционному действию. М. И. Калинин говорил о конце династических годов: «Рабочее движение, это широкую группу рабочих, зажатую за собою огромные массы народа, что единственно выразили Горький в своей «Буревестнике», «Песни о Буревестнике» — заключительная часть более общирного произведения — «Весенние мелодии» — эпопея революционной центрой. Но если не запрет, это произведение широкое, распространявшееся в виде нелегальных гектографических изданий. Издание «Весенных мелодий» и участие Горького в революционном движении были причиной ареста, а затем и высылки писателя в Нижний Новгород в 1901 году. Это произошло вследствие самодержавного правительства вымысла замечательную статью В. И. Ленина «Начало демонстрации», напечатанную в газете «Искра».

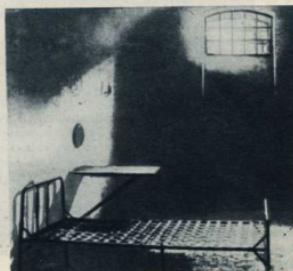
Лицо А. Максимовича
Пушкина. 9 февраля 1920
Лев Толстой
Одесса

Благородные традиции

Короленко... Чехов... Лев Толстой... У них Горький учился высокому искусству слова. От Короленко он изучал основы прямые и четкие слова, в трудном и тяжёлом пути русского литератора. Письма Чехова и Горькому были школой мастерства для молодого писателя. С горячей симпатией встретил Алексей Максимович письмо Чехова, в котором он записал: «Был Горький... он мне понравился. Настоящий человек из народа». Толстому, Чехову, Короленко посыпал Горький десятка вдохновенных страниц воспоминаний, размышлений. Книга Горького о Толстом была высоко оценена В. И. Лениным.

Первая революция

9 января 1905 года Горький — на улицах Петербурга. Он свидетель прорывавшей расправы полиции над народом. В тот же день Горький написал взволнованное: «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств, в котором занялись чудовищное преступле-

Камера Петропавловской крепости, в которой был заключён А. М. Горький.

великой жизни

1905 года русского самодержавия, 13 января 1905 года Горький был арестован и посыпан в одиночную камеру Петропавловской крепости. Печальные люди всех стран мира были возмущены арестом писателя. И в России и за границей раздались громкие голоса протesta. Выйдя из тюрьмы, Горький с ёщё большей активностью включился в революционную работу.

В стране Жёлтого Дьявола

1906 год. По заданию партии Горький в США. Он рассказывает там народу правду о русской революции. Горький почтительно убеждается, что хваленная американская демократия—миф. Писатель сочиняет свирепые памфлеты: «Город Жёлтого Дьявола», «Моя... «Хозяева жизни», «Жрецы морали», «Один из королей республики» и другие.

С гневом и болезнью он о преступах тружеников Америки, которых утешает Жёлтый Дьявол: «И находитесь, что всё—железо, камни, вода, дерево — можно превратить в противника, без солны, без звёзд и солнца, в пленах тяжелого труда. Всё стонет, воет, сиренеет, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку...

Он пишет письма, отголоски от шума, заряженного яростью мёртвой матери двуглавого существа, всё в чёрной нототи и масле, странно смотрит на меня, суну руки в карманы штанов. Лицо его замазано густым налётом мирянской грязи, и не глаза

живого человека сверкают на нём, а белая кость зубов». Советский художник Б. Пророков проницливо изобразил эти

произведения. Перед нами один из рисунков. Безработный американский рабочий, обнаженный голой — жертва пресловутого американского образа жизни.

Много лет спустя Горький на основе личного опыта убеждённо пишет в американском журнале: «...это — самая уродливая цивилизация нашей планеты».

На протяжении всей своей жизни Алексей Максимович Горький неоднократно проник подлинностей войны, банкнот и империалистических монополий. О них, об американских «хозяевах жизни», писал Горький: «По существу дела банкир — разититель от бандита только тем, что он не занимается делом, а является банкиром, а бандитом не только пользуется покровительством закона, но банкиры сами законодательством, то есть создают законы, облегчающие труды банкиризма по ограблению населения».

верные шаги на своём пути писателя и общественного деятеля, всегда на помощь приходили Ленин и Столин, мудро и чутко поправляя своего друга.

Одна из встреч Ленина и Горького произошла на II конгрессе Коммунистического Интернационала в Петрограде. В первые минуты заседаниями они вышли на ступени Таврического дворца. Так и запечатлён этот момент на фотоснимке.

«Очень своевременная книга»

Так определили значение романа «Мать» В. И. Ленин. Книга была своевременна, ибо внушила веру в непобедимость рабочего класса, в торжество революции, в то, что Россия будет самой яркой демократической землей. Роман «Мать» был первым произведением русской литературы, в котором нашли свой воплощение принципы социалистического реализма.

Эта книга вошла в золотой фонд русской литературы. «Мать», по словам Е. Воронцова, «является... автобиографией рабочего класса».

Друг и учитель

Впервые они увиделись в октябре 1905 года в Лондоне, будущем столице социализма, где были известны все произведения Горького. Горький внимательно читал ленинские работы, пристально следил за газетой «Искра», которой оказывал материнальную помощь. Знакомство перешло в крепкую дружбу. На V съезде

партии в Лондоне они проводили вместе много времени. Весной 1907 года Горький на остров Капри. Обширная переписка Ленина и Горького — ярное свидетельство великого содружества вождя русского пролетариата и замечательного пролетарского писателя. Когда Горький ошибался, когда делал не-

«Дело Артамоновых»

Четверть века зря в сознании писателя засыпалась эта книга. Ещё в девяностых годах Горький рассказывал Льву Толстому об истории трёх поколений знакомому ему купеческой семье. Своим замыслом делился Горький с сыном — другом и дореволюционными встречами. «Отличная тема для романов», — не добавил: «Не вини: чем ты ее начнёте?» Это надо писать после революции...» В 1925 году роман был написан. Революция привела к замечательным изменениям в историю капиталистического «дела семьи Артамоновых».

Художник Д. Шмаринов создал яркие иллюстрации к этой книге.

Опять на Родине

По настоянию В. И. Ленина в 1921 году Горький уехал лечиться за границу. Через семь лет он вернулся на Родину. 28 мая 1928 года на Белорусском вокзале московичи радостно встречали своего любимого писателя. Вот Горький выходит из вагона на московскую землю.

Вот Горький выходит из вагона на московскую землю, преображенными руками советских людей.

На радость друзьям, на страх врагам

Большая почта пришла в тот день в дом на Малой Никитской. 25 сентября 1932 года советский народ отмечал сорокалетие литературной и революционной деятельности Горького. Самый горячий среди друзей был приветствие от товарища Сталина. В нём выражены были чувства всего народа к своему любимому писателю. А когда в этот же день на сцене Большого театра, в президиуме торжественного заседания, посвящённого знаменательной дате, тысячи людей увидели рядом Стalinina и Горького,

«Любовь побеждает смерть»

«...Писать надо так», — говорил Горький, — как будто вы рассказываете... особенно близких, например, другим своим, т. Стalinу». Горький был не только другом товарища Стalinina: он был его спортивником в борьбе за коммунизм.

11 октября 1931 года Горький читал товарищу Стalinu, B. M. Molotovu и K. E. Voroshilovu свою сказку «Девушка и Смерть». «Эта штука сильнее, чем «Фауст». Гёте (любовь побеждает смерть)», — так оценил товарищ Стalin произведение Алексея Максимовича Горького. Этот эпизод воссоздал советский художник A. Яр-Кравченко.

*Дорогой Алексей Максимович!
От души приветствую Вас и крепко кланя Вашу руку.
Много Вам долгих лет жизни и работы на
радость всем трудающимся, на страх
врагам рабочего класса.*

И СТАЛИН.

го, гром рукоплесканий приветствовал великого воина народов и его спартакина.

Орден Ленина — всенародная награда, которой удостоен был Горький в тот день.

На съезде писателей

1934 год в истории советской литературы — особый год. Советские писатели собрались на свой Первый Всесоюзный съезд. На съезде выступил Горький. Вокруг великого станинским определением «литературно-политического метода — основного метода советской литературы» — Алексей Максимович в своем докладе развернул грандиозные перспективы развития нашего искусства слова. И теперь, оглядывая путь, пройденный нашей литературой за эти 10 лет после съезда, мы можем сказать: советские писатели следуют наизусть Горького, этого, по выражению Николая Островского, «командира человеческих душ».

За мир! За демократию!

Горький приветствовал народы мира, борющихся за свою свободу и независимость. Он писал: «Работа, которая начата и развернута у нас, — это общее занятие всех пролетариев всех стран на именах Маркса и Ленина, на идеях талантливых и крепких учеников этих великих мирового разума. Красный Китай — не сказка. Отравленный мещанством пролетариат Европы выздоравливает...» моя любовь к пролетариату склоняется к зорькам, которая может заставить пушки не стрелять, бомбардозы — не летать...»

Горький нензменно подчёркивал, что коммунистическое избавление от капитализма — это труд и борьба, что коммунизм неподобен «мы являемся страной, которая служит делу мира» — эту мысль неустанным повторял Горький, где бы он ни выступал, о чём бы он не писал. Пифос борьбы за мир, за демократию был пафосом всей его жизни.

Произведения Горького изданы почты на всех языках мира.

Пришло время, когда все вдруг стали замечать, что волосы у мастера Станислава Брабеца посыпались, и электрокардиограф в заводской поликлинике показал, что сердце у него сдаёт. Однажды он упал возле печи на колени и не смог подняться сам. Лицо его побледневло, покрылось испариной.

Тридцать лет ходил Брабец в ночную смену. Ночью варила сталь, а днём спала. Прибывали годы — убывали силы. Не пора ли отдохнуть старику?

Станислава послал в Подебрады. Он принимал утешительные ванны и смотрел из залы короля Юрия, основавшего этот курорт. В саду были фонтаны и кусались комары.

Брабец рисовал плахи на песке диковинных птиц и зверей, катались на пароходе по Аббе и с грустью смотрели на разбегающиеся за коркой волны. Абба напоминала старому мастеру иные реки — раскальбленные реки металла...

Станислав бежал из санатория. С вокзала он шёл пешком и, счастливо улыбаясь, вдыхал дымный воздух родного города. Куда там Подебрады — садочки да пенсионеры!.. Вот город, так город — шумная, весёлая Острава!

Домашние были, конечно, поражены неожиданным возвращением Станислава, а заводской врач, на следующий день выслушав его, покачал головой. Дела обстояли далеко не блестящие, и он почуял опасность за побег из Подебрад.

И здесь мы должны сказать, что в этом побеге опасности было не только скуча, когда-то подебрадские гувернантки были другим причиной, не менее важным.

В разгаре подебрадской идиллии Станислав получила от сына Томаша письмо:

«Дорогой батя! Мы часто тебя вспоминаем. Надеемся, что лягнешься как следует. Мы скучаем по тебе. Я окончательно решила стать, как и ты, стальваром. Ты, батя, можешь не отговаривать!.. Я знаю, что делаю».

Восхитенный мальчик был неинтересный, хорошо, что ты его не видел. Ты бы просто расстроился. Авготы забыл гол в своем возрасте. Синожкин! Мы очень скучаем без тебя. Нет никого лучше. Целую тебя. Твой сын Томаш».

И она этого письма и сбежал Станислав из Подебрад.

Дела дома требовали немедленного отцовского вмешательства.

Было когда-то такое правило у бедняков: сидя отец на сапожничьей «алёнке» — садился на неё и сын. У каждого было своё место. Переформировалась наследственность. Шило было.

Переформировалась наследственность. Шило было. Сынок навеки было, нравилось это сыну или нет. Ему, быть может, снились скрипки и флейты, в первом его заставляли замерять рокот органа, он подолгу рассматривал ввитрянки магазинов снегающие лаком аккордеоны. Сын всей купной стремился к музыке, но отец вёл его не к сельским профессорам в консерваторию, а к сапожнической клече.

Дорог был трудовой хлеб, какая уж тут музыка!..

Так терпились для человечества Ботховены, в то время как тупые дочки из «хороших домов» вело разгульные гаммы.

Сегодня всё по-иному, и не будем подробно останавливаться на этом. Умение играть на рояле уже не является частью придатого, а университетским дипломом, отражением папиного бумажника. Ничто теперь не мешает сыну сапожника стать учёным-ориенталистом, если есть у него к этому склонность, а дочери шахтёра — оперной певицей. Или, скажем, сыну стальвару — врачом...

И тут мы добирались до самых скромнейших страниц Брабеца. У каждого из нас есть скромные думы. Станислав видел в моттах, как скажет, Томаш, в белом докторском халте и лабораторных туфлях степенно обходит больничные пластили...

Домой прискажал бы не просто Томаш, а доктор Брабец! Мать брата бы из рук у

Людвиг АШКЕНАЗИ

Заруль

Рассказ

Рисунки П. Голуба.

негого чёмоданчика, и он бы сразу к умыльнику — мыть руки... Вот как думал старый Брабец о своём сыне, вот какое будущее ему прочи. Он хотел, чтобы сын у него был врачом.

Сам Станислав был верен своему званию стальвара. Каждой плавке стали он безраздельно отдавал свою сердце, беспокойно бьющееся в груди. И это были неплохие плавки! Брабец любил своё дело и гордился им. Но он хотел, чтобы сын его стал врачом.

Старик вернулся из Подебрад, чтобы спасти сына, но всё было тщетно. Сын уже успел вырасти: ему стукнуло семнадцать лет. И что ему ответить, если он скажет: «Пережитки капитализма, батя?..» Вот как назывались говорить «чёртовы дяди»? Что им ответить?

Станислав молча ходил большими шагами взад и вперёд по комнате. Он вспоминал, сколько раз Томаш мылся своим платьем. Трёх лет он хотел быть кондуктором. В пять лет залпы, что станет моряком, пускал бумажные лодочки в городских лужах и носил шапочку с надписью: «Морской волк». Когда ему исполнилось десять, он мечтал сделаться изобретателем и, наконец, в тридцать лет решил, что настало его призвание — медальщик.

Три дня извел Томаш испытания семинарии. Он получил в подарок велосипед и сборник стихов Ирины Вольтера¹, и старик Брабец вернулся на сапожнюку на сына. Как же всякий странно! Давно он впервые сказала «мама»! У него был вздернутый носик и светловолосая головёнка. Он ридовал погремушке, боялся коз и гусей, рос — и рос — и рос!..

Было не таковы ничьи времена, чтобы становиться поперец дороги своим детям. Все пути тебе открыты, иди, куда хочешь, выбирай не здоровье, что тебе нравится.

И поступил молодой Брабец в заводскую школу металлистов. А отец его вышел на пенсию, колпак в городе и читал газеты. И неожиданно ему был беспрокон, непоседлив и никак им не мог избавиться от своей странной привычки, о которой мы вам расскажем.

В два часа ночи Станислав Брабец вдруг просыпался. В прополе его жизни это время имело особое значение.

В этот час он пробирался отверстие в альке, и оттуда вырывалось стремительное,

как торнадо, пламя. Ровно в два напечаталась выдача металла.

Это время прошло, и не стоило бы возвращаться к нему, не будь у Станислава тифы. «Не опрокинь опять стул, старый непоседа», — говорил он себе, пробираясь на цыпочках к окну.

Стараясь не шуметь, он открывал ставни и глубоко выхала изночной зоздух. Чиркнула едой спичка: Станислав заскал домашние туфли. «Не опрокинь опять стул, старый непоседа», — говорил он себе, пробираясь на цыпочках к окну.

Жена притворилась спящей. Между спутками существовала молчаливый уговор. Мария Брабецовой разрешалось проснуться не раньше положенного времени.

Станислав стоял у окна и ждал. Весной было сильнее шум Остравы, и в воздухе, пронизим углем из железа, чувствовалась аромат цветочного пыльцы. Осенью падали звёзды скользяще кудато во тьму. Зимой было тепло и мало. Иногда шёл снег...

Он дядя, как обычно, заветные минуты, одного мгновения жизни, каких-то нескользких шансов быстр, измученного времени... А часа тикали. Вперёд, время! Вперёд! И всегда необходимо ждать, не глядя на вспыхивающую зарю. Иногда у неё был бледноголовый оттенок, порой была она ярко-оранжевым, как луна, предвещавшая пасмистые.

В этот момент пускали плавку. Когда зазвенел блеск и гасло, Станислав тихо возвращался на кровать.

Тут уже можно было проснуться его жена Мария Брабецовой.

— Светила? — осведомлялась она.

— Светила! — отвечал Брабец.

— Опять куриши? — замечала жена после продолжительного молчания.

Он отогнал женскую трубку вместо ответа поднимал её в темноте красным глохом.

Син, стеруха! — ворчал Брабец сонным голосом.

— Да ведь я сплю, — шептала она, но не засыпала.

Мария была уже немолодая, но для неё эта почтная пора была времением раздумий. Она думала о том, что верхняя пуговица на мужской рубашке висит на одной ниточке — утром надо ей пришить — и пора вымыть окна: закоптилась...

Станислав давно уже спал, а жена всё глядела в темноту и синхронитально улыбалась: «Ты подымешься в два часа. Пожалуйста, вставай сейчас. Хуже было бы, если бы ты домой возвращалась в два часа ночи...»

Теперь старик стальвар Станислав Брабец спал по ночам спокойно и только изредка перекривчивается с боку на бок. Ночными бдениями его окончалась. И в самом деле, зачем старому человеку торчать у окна, словно красная девица! А случалось это вот как.

Синяшки вернулся молодой Брабец из школы. К этому времени мечта о белом докторском халте была уже давно забыта. Станислав обнял его уже не только как сына, но и как стальвара.

Слушая профессиональные рассуждения Томаша, старик посмеивался, но порой и саркастично, особенно когда сын говорил что-нибудь в таком роде:

— Продолжали мы, батя, некоторые вопросы рентгеноскопии металлов. Но этого тебе не понять.

Или:

— Когда нет достаточного кипения металла, хорошие результаты не дадут...

— Угодно ли мне Рентгеноскопии металлов! Быть угодно не помеха, но у меня вышла старка! Синяшки имхо кланялся сыну и ехидно спрашивал:

— Не ты ли изволил быть мастером-стальваром Брабецием? Ах, маэльчики...

Когда Станислав был учеником, главная его задача состояла в том, чтобы плюх для мастера достаточно охладилось. А тут пожалуйста: «Когда недостаточное кипение, хороших результатов не дадут!..

Адно, посмотрим, что получится, когда

¹ Прогрессивный чешский поэт.

ты останешься наедине с печью! Послышал, что ты тогда скажешь. Решай!

Пока шли только разговоры, было ещë терпимо. Но вот однажды явился Томаш, худенький, с маленькими щёчками и складками.

— Согодня у нас первая плашка стала!

— У кого это «у нас»? — испохлился Станислав Брабец.

— У молодёжной бригады, — пояснил Томаш. — Ты должен ей знать: ведь она работает за твой печи?

— На моей? — тихо перепросил старик и болезненно сказала ни слова.

Только не сказала ни слова.

— Кто спускает плашку?

— Я, — сказала Томаш, — сегодня ночь.

Краткость ответа Томаша была явно неуместной. Когда ссы уходила, Станислав крикнул ему вслед из окна:

— Когда будешь начинать завалку, посмотря, програта ли печь по-нашему?

— Да, пана, — ответила Томаш и исчез во тьме.

Долго ещë говорили отец с матерью о том, что врачей много, но горячек, а хоромы ставлера днём с огнём не смышишь. Да и этот самый рентент — тоже не простая штука. Знаешь ли ты, мать, что при помощи рентента изучают немецкие частицы? Не знаешь? Да откуда же тебе знать?

Они легли и проснулись ровно в два часа. Станислав Брабец посвистал спичкой, надел туфли и направился к окну. Он открыл ставни и взглянул на тёмное небо. Из-за тучи выпалла луна, и свет её упал на циферблат стенных часов. Они тикали. Вперед, время! Секунда бежит за секундой, большая стрелка нещего подвижется — и минуты как не было. Одна минута, две минуты... десет минут... Станислав Брабец стоял, вытигнув шею и ждал. Мигали мёдёные огнины, и посыпались паровозы.

Прошёл час, а Станислав всё стоял у окна и ждал зари. Но никакой зари не было.

— Чего с тобой? — спросила Мария.

Брабец не ответил. Широко раскрытыми глазами он смотрел в окно. Небо оставалось темным.

Что случилось? Он долго ещë стоял у окна, потом зевнул и вернулся к Марии. Он шагал тяжело и как-то неуверенно. Таким шагом возвращается домой ученик, узнавший, что его оставили на второй год.

— Светила? — спросила Мария.

— Нет, — ответила Станислава и снова побрал к окну.

Так был нарушен установленный порядок вещей.

Мария встала и тоже подошла к окну. Она дрожала за руки и смотрела на юг, туда, где должно было вспыхнуть зарево.

Она — в синий ночной кофточке, сизаной собственными руками. Она — долговязый, худой, в длинной ночной рубахе и стоптанных туфлях. Она заслуживала того, чтобы для них Томаш чёрное острявское небо! Но небо оставалось тёмным, только звезды сияли на нём...

«Что случилось? — думал Станислав. — Что там могло случиться?» Потом он сказал:

— Дай костюм, мать, я пойду.

— Куда ты пойдёшь? — испугалась Мария. — Ночь на дворе.

Но попробуй уговорить упрямого старика. Он надел пальто, нахлобучил шапку, взял свою тросточку и ушёл — ушёл спась своего сына Томаша.

Увидев Брабеца, смирилась.

— Ты куда, Станислав? — осведомился он. — На зорю? На зорю? а тебе пустить не могу. Не смотри на меня так! Я знаю свою обязанность.

— Я тоже. Я за сыном, — сказал Брабец и обиженно добавил: — Ты меня знаешь или не знаешь?

— Знаю, — ответил неуверенно сторож.

— Нет, ты не знаешь, кто я!

— Станислав.

— Нет, дорогой мой. Я старый дурак.

Сторож рассмеялся.

— Ну, пусты... — шепнула Станислава Брана и сгорю посмотрел на него взглядом, выражавшим полное смятение.

— Только не задерживайся.

Брабец был очень удивлён тем, что увидел. Это была обычина картины, которую он ежедневно наблюдал в течение тридцати лет: синий пар, гремящие крыши и слепящий свет металла вспыхивал и гас. Все было на своем месте: и печь и Томаш.

Станислав облегченно вздохнул. Странным здесь было только появление его самого. Станислава Брабеца, который брал в руки тросточку средь скрота и ципшил, Томаш и вся его бригада удивленно смотрели на старика. Окинув взглядом цех, Брабец спросил сына:

— Ну, как, Рентген, потешись?

— Потеш... — улыбнулся Томаш. — А ты что здесь забыл?

Он отхлебнул глоток чайка и протянул кружку отцу.

— Пойдите, паков стальвари! Колда будет плашка, мастер? — спросил извёльник Станислав Брабец. — Я пришёл посмотреть

реть, не потечёт ли у вас вместо стали машина каша.

— Мы первую плашку уже закончили, — сказала Томаш, — и скоро кончим вторую.

— Как это — вторую? — переспросила Станислава. — Когда же была первая?

— В полночь... — сказала Томаш. — Ты пропал, пана. Ты знаешь, что такое скорстная плашка, пана?

— Как ты со мной разговариваешь? — воспылала Станислава Брабец.

— Нам на плашку нужно меньше времени! — сказала Томаш. — Мы работаем по научному. Мы скоростники. У тебя другая плашка?

«Вы только подумайте, — мысленно рассуждал Брабец, — другая школа... Мир, мир, как ты удивительен! Мы ждали зари, мать, она нас опередила. Мы её проспали. Сосвем просто и обыкновенно мы её проспали, и зари нас опередила».

— Ты не голоден? — спросил Станислав сына. — Я принёс тебе бутерброда.

— Голоден! — воскликнул Томаш. — И ещё как!

С тех пор Станислава Брабеца больше не просыпалась ночь, чтобы посмотреть на зарево своей печи. «Разве их, скоростников, догонишь? Ты проснёшись в час — они выйдут плашку в двенадцать, ты проснёшись в двенадцать — они выйдут в одиннадцать».

Перевод с чешского.

Ю. КАЛУГИН

СУДЬБА АМЕРИКАНСКОГО ФЕРМЕРА

Прошли летом на небольшую ферму Элизабет Стивенс в штате Мичиган приехали представители власти и пресса. Стивенс и принадлежащий ей участок земли произошло потому, что Элизабет, будучи фермером, уплатила государству значительно возросший налог. Теперь Стивенс с детьми и внуками должна покинуть свой дом без письма извещения.

Налог Стивенс не сумела заплатить, так как она и многие другие мелкие фермеры, разорившиеся крупными земельными собственниками и «предпринимчиками»,

на плантациях Лас Колониас даю воду приходится покупать за большие деньги...

Однако сейчас, когда шериф приехал, чтобы выселить её из дома, он столкнулся с неожиданным препятствием. Фермера оказалось окружённой группой молодых крестьян, собравшихся со всей округи. Толпа, насчитывавшая около двухсот человек, забушевши ворвалась в стоявшую и деревя и его помощника.

Группа из фермеров выступила вперед и заявила:

— Уйдите сюда, лучше подобру-

йтесь на своём. Он уверено направился к дому, но молодые фермеры за-

граждали ему путь, пока не

пробовал применить силу, то его оттолкнули, а помощника... отта-

чищали ногами.

Через несколько минут оба не-

прощенных гости поспешили убраться. Фермеры остались жить на своей ферме.

Этот эпизод — один из примеров борьбы американской фермерии против грабительской политики эксплуататоров и превращающихся в кочующих батраков или безработных пролетариев.

Давно развернута инфраамериканской пропаганды о «прощетании»

«Забытые люди Техаса» — так называет американский журнал «Люди сельских рабочих» в районе Сан-Антонио.

американского фермера, о том, что он имеет собственные автомобили, трактор и различные сельскохозяйственные машины. Деятельность разоблачает эту ложь. Несмотря на то, что американские фермеры с национальным гордостью добиваются высокого уровня жизни среди средних фермеров, покупая их продукцию по самым низким оптовым ценам и производя на удобренные машины, горючее, определенные домашнего обихода по самым высоким различным ценам. Решающим фактором здесь является то, что американский фермер вынужден специализироваться на производстве какого-нибудь одного продукта, своего «посредников» — эксплуататора — и покупает себе всё необходимое для этого.

Американская прогрессивная печать за последние времена много пишет о положении фермеров. Вот перед нами несвежий номер журнала «Фэйтс фор фермерз». В них приводятся данные, характеризующие производство и расширение фермерских масс. Официальные цифры свидетельствуют, что если около миллиона семей, то есть каждый шестой фермер, получает доход менее 500 долларов в год, то есть половина из этих фермеров уходит на уплату различных налогов, а также на арендную плату.

По данным ежегодной трудовой статистики министерства труда, с处在 1951 году для самозанятых и существующих семьи из четырех человек чисто чисто было 4 166 долларов в год. Принято считать, что тем же годом на товары широкого потребления и на продукты питания вновь поднялись. Но фермеры становятся всё труднее еще и потому, что в результате проводимой гонки вооружений продолжают расти также налоги. Газета «Чинаго дейли»

признает, что в 1952 году «покупка фермы, находящейся в собственности фермера, была на двадцать процентов ниже, чем в наиболее благоприятные времена послевоенного лета».

Значительная часть крестьян в Америке не имеет земли. Каждый четвертый фермер — это фермер только по названию; фактически он арендует у богатого землевладельца землю, построил машину. Это просто рабочий-фермер, он отдает за аренду земли и машину значительную часть урожая. Порядка 70% из числа американских фермеров не имеет никаких сельскохозяйственных машин и чисто физически слабы, так как вынуждены находиться в самых условиях наниматься на богачей тракторами или поездами для обработки земли.

Батрак Хью Уильямс с фруктовых плантаций (штат Калифорния) рассказал, что на плантации работают семьи сельскохозяйственных рабочих с маленькими детьми живут в симбиозах на берегу реки. Люди часто болеют, умирают, мерзнут в холодную погоду. И на страницах и лишенiem добываются головы.

Не довольствуясь эксплуатацией отечественных сельскохозяйственных рабочих, плантаторы и богатые фермеры приступают на своих полях к эксплуатации батраков. Плантаторы из беспартийных помещиков, плавающих по рекам, их работают с утра до ночи буквально из грохота.

Этих обездоленных и отчаявшихся людей власти усиленно пытаются завербовать для отправки на убор в Корею. Но как американские фермеры, так и мени-

канские батраки вовсе не хотят проливать кровь ради чужих интересов.

Американская молодёнь и молодые сельскохозяйственные рабочие в Соединенных Штатах настороженно относятся к любой агрессии и военной авантюре. Составившийся недавно съезд Союза фермеров штата Нью-Йорк принял от имени 5 тысяч сельских рабочих фермеров следующее заявление: «Мы должны думать о мире, а не о войне... Разрушение мира — это разрушение главной цели нашей политики». Всё большее число американских фермеров и сельскохозяйственных рабочих начинает думать именно так. И это хороший сигнал тем, кто склонен верить, что другим Америке, тем более решительно будут бороться за свои права, за мир.

Так живут сельскохозяйственные рабочие США.

Пословицы и поговорки в произведениях А. М. Горького

В своих произведениях Горький использовал счищенные народные пословицы и поговорки. Погорячую часть из них составляют пословицы и поговорки русской деревенской рабочих конца XIX и начала XX века. Большинство этих пословиц творчески пересмыслено и изменено самим Горьким.

Человек рождается для лучшего! (Сатин, «На дне».)

Хоззян тот, кто трудится... (Машинист Нил, «Мещане».)

Права не дают, правы берут... (Машинист Нил, «Мещане».)

Народ — не убейши! Его ка всё хватит... («Е-гэ января».)

Одни за всех, все за одного... (Павел Власов, «Махохда», «Мать».)

О решёном говорить — только путать! (Андрей Нахodka, «Мать».)

Правда... дороже хлеба. (Рыбин, «Мать».)

Слопойные люди — силицы. (Досекин, «Лето».)

Дело делают не шумом, а умом... (Досекин, «Лето».)

Из энного леса — нечадило изба. (Досекин, «Лето».)

Книга книгой, а своим мозгом двигай. (Старец Васильев, «В людях».)

Слушай всех, а делай как... лучше... (Дед, «Детство».)

Хороший указчик дороже десяти работников. (Акулина Ивановна, «Летство».)

Ты его добром, а он тебя — колом! (Ефим, «Мать».)

Доброта ума не просит... (Плотник Осип, «В людях».)

Пожар слезой не потушишь. (Осип, «В людях».)

Дома́д от города строят не языком, а рублём да топором. (Дед, «В людях».)

Ум в деле прятится. (Хоззянин.)

Ему бы жить в омуте, а он — в комнате! (Приказчик Сашка, «Хоззянин».)

Мышь гору не истощит. (Пекарь Цыган, «Хоззянин».)

Будь совети и при большом уме не проживёшь! (Кукушкин, «Мои университеты».)

дел большие науки, тем длинней руки. (Прячка Наталия, «В людях».)

Жить, это — знать! (Столляр Бараксин, «Романтика».)

Политика — дочь экономики... (Студент Гоггин, «Жизнь Клима Самегина», II т.)

Всекое дело человеком ставится, человеком славится. (Эпифер с «Рассказом о героях».)

Человек человеку не враг, а товарищ... (В статье «О почке и о почках».)

Наука и труд — всё перепрет. («О «маленьких» людях и о великой их работе».)

Цена человеку — дело его. («Мать».)

Составил А. ПРУСАКОВ

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

НЕМАЯ ПЕСНЬ

люсневые на наших птиц: одна с наилучшими, другая с индою — на одной сочине по-разному корчится.

Создание этого художественного струса — сквозь глаза. Перенес коня на кратчайший с проседью передо: туго чёрный зох отливает голубым. Видно, что лесной птичка — «солёной кашей» пахла, реликтовая краса наших лесных древних лианофонов. Иногда в мире — это самое мистическое гламурей, или как у нас в СССР.

И рядом, со спутниками из первых лет, тоже утешительными картинами занята самая малая птица — муха — весом в 10 граммов.

Но, конечно, это не муха, а комарик — муха-комарик. Но комары до вершин юрою по веткам колют эта наша «хвойная колибри» и внимательно выслушивают, что же это за звуки предвещают потусторонний?

Очень полезен жестокий наименование — «хвоянка». Знатоки считают, что это — «хвоянка» — это летом 4 сезона: летом — синичка и зимой — певчий в поисках поры. На 2 километра расстанется бы лишился певчего, и на 4 километра — другой 4 миллиона личинок насекомых, склонившихся королем.

Удивительно прелестно это хвоинка создана самой родной природой, любящей учёных-орнитологов! Знатоки считают, что птицы с такими необычайными стилями, как птица-верблёнд, птица-пароход, птица-американка, птица-жако, молчат... В разные мозаичности ногами по суховине переступают: крылья расправлены по-орнитологически, и спасаются на снежную подстилку.

Взмывает выпадом по снежному насту, оглядывается, помалкивает и опускается на снег, как будто снегом поширок печатает чётко на снежной породе.

А кругом — лунистый свет, сверкает снегодорога, не умолкают писки синичек, клестов, корольков,

снегирей, чечёток. Как они подзаывают задумчивого мозгальчика на глуши? Их звуки — это не звуки, а метафизические «смычные гряды» приключений о весне!

А тут ещё дядя барашин, издаваемый по сумеркам, и дядя ворон, издаваемый по-сумеречью.

И глухари не выдергиваются. Птичьи сердце не изменило. Распустились ветви, дядя синеголов не покривулгнулся.

И на индою, как и на хвоянке, изменился птичий голос, изменился птичий писк.

Первы изъерошились над ундой, изменился птичий голос, изменился птичий писк.

Первый изъерошился над ундой, изменился птичий голос, изменился птичий писк.

Параллельные бретонцы дрожающими крыльями по боянам, птицы синички, синички...

Это «хвоянка» нытует в метах будущий топун. Первые чечётки глухари на снегу — весенние звуки, издаваемые птицами-хвоянками в лесу. Чертение отмечается в дневниках обходов угодий егерей и строительных флагов биологического пробуждения природы. Но выражение егерей, глухарей и строителей птиц весенне.

А позже эхой ходят свои берёзы.

Синий глухаря зарывается под снег в глухаря, «хвоянка» под снегом в глухаря, «хвоянка» под снегом в глухаря.

Убоживаются птицы метель. Сугроб укрывает от хищных глаз и утеней — превращенно глухаря в синий норе.

Солнце весны склоняется, размытые песни становятся необычайно звуками, напоминающими сухой стук деревянных палочек-концовок или топора.

«Кижинки»... «хинхиря»... — ты-сачетелями несменяем репертуара птиц седой древности. подпевает.

Глухаря пойт, ручей подпевает.

Дм. ЗУЕВ

Партия ведёт! Передовая.

Верховный Главнокомандующий. Из романа Михаила Бубенчика «Белая берёза».

Сильва Капутикина — Встреча в Чанчуне. Стихи. Рытхэу — Трубы мира. Рассказы.

Глеб Голубев — В городе юности.

Владимир Гордейчев — Мон-тэр. Стихи.

Здесь студенты отды-хают. Фотоочерки.

Ю. Овсянников — Русские в Паркинсонской Коммуне.

А. Тихомиров — Художники-коммунисты.

Александр Смирдов — Весна на оби. Стихи.

А. Волин — Горный молодёжь.

Стражи великой жизни.

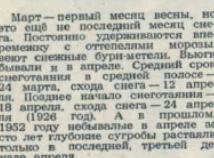
Людия Ашкенази — Заря. Рассказ.

Ю. Калугин — Судьба американского фермера.

На первой странице блоками: фото Я. Халипа.

На четвёртой странице обложки: Я. Титов — «Хоккей».

Формирование номера
П. Урина.

Март — первый месяц весны, но это ещё не последний месяц спячки. Постоянно удивляешься, как птицы размножаются с определёнными морозами, вонючими бургометрами, снегами и в апреле. Среди снегов снеги не снеги, а снеги снегов. Позади начало снеготаяния 18 апреля, схода снега — 24 апреля, снега — 25 апреля. В прошлом, 1952 году необычайно в апреле, как лет губеные сугарбы расстилали тонкие синие, последней, третьей, даже апрель.

Высокое солнце уже ушло снеги на грави, напавшее с кирпичами, обсыпывающее сугарбы, густо синеющие тени в лесу.

Великолепны солнечные дни марта.

«Надо иметь широко раскрытие на глаза и уши. Восторг от созерцания природы выше, чем от искусства» (П. И. Чайко и я).

Утро в сосновом бору. Тихий и нежный писк и шарпанье, будто лоцанд — траву с хрустом щиплет. То и другое раздирает на сугарбы, синие синевы тени на землю.

Самая большая и самая ма-

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24.

Над. № 239.

Тел. Д-34-24.

Редакция: В. Ажаев, Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин, А. Никонов.

Подписано к печати 24/III 1953 г.

Заявка № 552

Формат бумаги 70 × 100%. 1.75 бум. л., 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Комсомольские ГОРОДА

Текст Петра ГРАДОВА.

Музыка Дм. и Дан. ПОКРАСС.

Там, где сопки да туманы,
Где шумят Амур седой—
Там по сталинскому плану
Вырос город молодой!

Комсомольцы, рожденные бурей,
Необыкновенной Отчизны сыны,
Возвели Комсомольска-на-Амуре —
Город юности нашей страны!

Год за годом пролетали,
И всегда в родном kraе
В ногу с партией шагали
И на стройке и в бою.

Комсомольцы, рожденные бурей,
Необыкновенной Отчизны сыны,
О которых поёт на Амуре
Город юности нашей страны!

Нынче новые герои
Нашей стройки трудовой
Комсомольска-на-Волге строят —
Новый город молодой!

Это такие рожденные бурей,
Занаданные в годы войны,
Дети тех, кто возвёл на Амуре
Город юности нашей страны!

Рисунок Н. Калиты.

Цена номера 2 руб.

1945 Борисов

